

МИНИСТР—ВЕШАТЕЛЬ (П. СТОЛЫПИН)

„Продолжайте в том же духе, господа Столыпины. Вы хорошо работаете на нас. Вы возбуждаете население лучше, чем мы могли бы это сделать. Вы довели репрессии до конца и этим наглядно показали всем необходимость довести до конца и боевое революционное выступление“.

(Ленин, т. VII, ч. II, стр. 60).

Карательные экспедиции, военно-полевые суды и массовые казни достигли наивысшего предела при премьер-министре П. А. Столыпине (1906—1911), который увековечил свое имя в так называемом „столыпинском галстуке“. Кавеньяк в 1848 г. убил в Париже 10 тыс. восставших рабочих. Столыпин и его свора ушли от Кавеньяка далеко вперед: они убили и ранили в восстаниях свыше 40 тис. чел., в погромах (1905—1907) около 48 тыс. и казнили свыше 5 тыс. (1906—1911).

Столыпин уделял исключительное внимание каждому отдельному случаю замены казни—каторгой и немедленно реагировал на малейшее отступление кого бы то ни было от его вешательской политики.

Для торжества своей реакционной политики, он требовал трех вещей—вешать, вешать и вешать... что видно из приводимой его речи в государственной думе в защиту военно-полевых судов и массовых казней 13 марта 1907 г.:

„... Мы слышали тут обвинения правительства. Мы слышали о том, что у него руки в крови. Мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве были осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. Я понимаю что хотя эти прения не могут привести к реальным результатам, но вся дума ждет от правительства ответа, прямого и ясного, на вопрос, как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах? Я, господа, от ответа не уклоняюсь. Я не буду отвечать только на нападки за превышение власти, за неправильности, допущенные при применении этого закона... государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя

от распада. Это было, это есть и это будет всегда и везде. Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, вы ломаете двери, ломаете окна. Когда человек бо-

Столыпин

лен, его организм лечат, отравляя его ядом, когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами... Бывают, господа, роковые минуты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества. Но с этой кафедры был сделан, господа, призыв к моей политической честности, к моей прямоте, и я должен открыто ответить, что такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера, когда они становятся длительными, то, во первых, они теряют свою силу, и, затем, они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. И вот возникает два вопроса: может ли правительство, в силе ли оно оградить жизнь и собственность русских граждан обыкновенными способами, применением обыкновенных законов?.. Господа, кровавый бред, к сожалению,

еще не пошел на убыль. Едва ли обыкновенным способом подавить его по плечу обыкновенным нашим установлениям... Я задаю себе вопрос—в праве ли правительство, при таком положении дела, сделать демонстративный шаг, не имеющий за собой реальной цены.—шаг в сторону послабления для формального собственно нарушения закона. Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, которые подвергаются ежеминутной смертельной опасности, сделать гласную уступку революции? Вдумавшись в этот вопрос, взвесив его всесторонне правительство пришло к заключению, что страна ждет от него не оказательства слабости, а оказательства веры. Мы хотим верить, мы должны верить, господа, что от вас услышим слово умиротворения, что вы прекратите кровавое безумство, что вы скажете то слово, которое заставит нас всех стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение“.

Требуя беспощадной расправы с революционерами, Столыпин не щадил и судей, проявивших „гуманность“ по отношению к обвиняемым. Так из 200 военных судей в 1907 г. 90 было переведено на низшие должности, как недостаточно твердо проводившие столыпинскую карательную политику.

Кровожадность его не знала пределов, что видно из переписки в 1908 г. с Николаем Николаевичем об „излишнем человеколюбии“ генерала Газенкампа, „часто“ заменявшего казнь—каторгой.

Письмо П. А. Столыпина вел. князю Николаю Николаевичу
от 27 января 1908 г.

„Ваше императорское высочество!

Состояние города С.-Петербурга и его губернии на положении чрезвычайной охраны вызывает настоятельную необходимость в принятии всесторонне решительных мер к охранению государственного порядка и общественной безопасности в столице империи и в прилегающей к ней местности.

В этих видах в пределах указанной территории наиболее опасные преступники, уличенные в нападениях на должностных лиц, чинов полиции и войск, в тягчайших посягательствах на жизнь и имущество обывателей, предаются военному суду для суждения их по законам военного времени.

Являясь могущественным средством для искоренения преступности в ее опаснейших видах, указанная мера однако достигает своей цели лишь при проведении ее по всей строгости закона, и всякое в этом отношении колебание не только умаляет значение обращения каждого дела в военной подсудности, но и подрывает необходимую для проявления еще не прекратившейся смуты, уверенность в безусловной целесообразности этого мероприятия, так как допущенная в одних случаях снисходительность—в другом может поражать мысль о неуместности строгой кары, которая таким образом из неизбежного законного последствия содеянного зла превращается как бы в излишнюю жестокость. Следя за планомерным осуществлением органами власти лежащих на них в указанной области задач, я не мог не обратить внимания на затруднительное положение, в которое становится правительство в этом отношении широким применением помощником главнокомандующего войсками гвардии и петербургского военного округа предоставленного ему права смятения следующего осужденным петербургским военно-окружным судом, по закону наказанием.

Из имеющихся у меня по этому предмету сведений усматривается, что за последние три месяца, после казни 18 октября минувшего года, убийцы

начальника главного тюремного управления тайного советника Максимовского — Рогозинниковой по с.-петербургскому градоначальству и губернии был приведен в исполнение лишь один смертный приговор над крестьянами Лаврентием Зотовым, Сергеем Сальниковым и Василием Комаровым, осужденными за вооруженное нападение на городских 25 минувшего декабря городские Степанов и Григорьев). В остальных же случаях генерал от инфантерии фон-Газенкамф заменил смертную казнь 19 осужденным, из коих в отношении 13 это распоряжение последовало по особым ходатайствам военно-окружного суда.

Всеподданнейше представляя об изложенном, имею честь быть с чувством глубочайшего высокопочитания вашего императорского высочества, всеподданнейший слуга.

П. Столыпин.

№ 109838

27 января 1908 г.

Рапорт ген. М. А. Газенкамфа на имя вел. кн. Николая Николаевича от 4 февраля 1908 г.

Его императорскому высочеству главнокомандующему войсками гвардии и петербургского военного округа.

Ваше императорское высочество изволили приказать мне: представить объяснение по содержанию письма председателя совета министров от 27 января сего года за № 109838.

Мне пред'явлено очень серьезное обвинение: неуместно широким применением предоставленного мне права смягчения смертных приговоров я ставлю правительство в затруднительное положение.

В доказательство этого обвинения приводится: после утверждения мною 18 октября 1907 г. смертного приговора Рогозинниковой (убийце Максимовского) в течение трех месяцев, до 21 января 1908 г. (когда я утвердил смертный приговор трем разбойникам-убийцам: Зотову, Комарову и Сальникову), не было ни одной казни: 19 осужденных мною помиловано, из коих 13 по особым постановлением суда, 6—по моему личному почину.

Петербургский военно-окружной суд применяет статьи закона с беспощадной строгостью, и если в 13 случаях сам ходатайствовал о замене смерти другими наказаниями, то мне не приходится оправдываться в том, что я эти 13 ходатайств уважил.

Я обязан лишь доложить, по каким соображениям я сам смягчал смертные приговоры остальным 6 осужденным на смерть.

Я заменил казнь бессрочной каторгой: 29 октября 1907 г.—Храмову и Ушакову, ограбившим на 860 руб. сборщика денег казенных винных лавок близ деревни Волянкино в виду чистосердечного признания и отсутствия кровопролития.

4 декабря 1907 г.—Цыганову и Ивановой, ограбившим на 130 рублей мелочную лавку Вязова на Николаевской улице, за отсутствие кровопролития.

7 декабря 1907 г. заменил смертную казнь двадцатилетнюю каторгою мальчишке Алексееву, участнику вооруженного нападения на управляющего заводом Поля Жохова с нанесением ему легкой раны в виду полного сознания оного преступления и обнаружения им всех соучастников нападения.

Во всех этих 5, а не 6 случаях никакой политической подкладки не было.

По моему глубокому убеждению долг совести и присяги обязывает конфирмирующую власть вникать в существо каждого дела и утверждать смертные приговоры лишь закоренелым злодеям, обгравившим руки в крови и политическим фанатикам, задавшимся целью устранить власть или мстить ей.

Казнить мелких грабителей из уличных отбросов и подонков, всплывших на поверхность всероссийского вбаламученного моря, значит не только ронять грозное значение смертной казни, но еще и утвердить в массах, что правительство не руководствуется высшей справедливостью, а только отвечает устрашением на устрашение. Именно это убеждение и стараются укоренить и распространить в массах революционная пропаганда. Посему огульное утверждение всех смертных приговоров, выносимых по букве закона, было очень на руку революционным вожакам.

За те два года, которые я имею честь пользоваться вашим высоким доверием и заменяю особу вашу в военно-судных делах, я неуклонно держался одной и той же системы:

Беспощадная смерть политическим и уголовным злодеям, помилование всем неуравновешенным, увлеченным на путь преступлений вихрем революции и вызванного ею настроения.

Ни ходатайства, ни мольбы, ни угрозы не вынудили меня к помилованию убийц Мина, Козлова, Павлова, Бородулина (начальника Акатуевской каторги), Пельцера (директора Нарвской мануфактуры), Максимовского, Кудрявцева (околоточного надзирателя) и раненых с ними трех городских. Все эти злодеи и злодейки были без милосердия повешены. Перечисляю лишь самых выдающихся, не упоминая о других, уже забытых.

Но не могу не вспомнить, что было полтора года тому назад, вскоре после утверждения военно-полевых судов, под свежим впечатлением таких потрясающих событий, как севастопольский, владивостокский, кронштадтский, свеаборгский бунты, взрыв дачи П. А. Столыпина, убийство Мина, Козлова (по ошибке вместо покойного Трепова) и графа Игнатьева, разбойничье нападение в Фонарном переулке.

С одобрения вашего императорского высочества мною было дано военно-полевым судам руководящее указание: беспощадно приговаривать к смерти всех изобличенных в приготовлении бомб и других адских машин.

И что же? Как только было казнено 5 бомбистов, 24 ноября 1906 г. пришло предписание свыше: бомбистов смертью не казнить. По докладу моему об этом, в тот же день, ваше императорское высочество прямо из кабинета послал меня к председателю совета министров для личных объяснений. Я настаивал на необходимости уничтожения бомбистов, П. А. Столыпин, соглашаясь с этим в принципе, указал, что это незаконно. Я возражал: 1) что военно-полевые суды, как учреждения незаконные, могут служить главным образом для устранения именно тех коноводов революции, которые, толкая на террор других, сами ускользают не только от смертной казни, но иногда от всякого наказания; 2) что только страхом смерти можно уменьшить вольную и невольную фабрикацию бомб; 3) если теперь, после казни пяти бомбистов военно-полевые суды принуждены будут приговаривать остальных только к 15-летней каторге, то революционная печать возмущает и злобно подчеркнет, что само правительство испугалось своего беззакония.

П. А. Столыпин ответил, что внесет вопрос на обсуждение совета министров и затем будет преподано окончательное решение. Прошло три недели. 16 декабря 1906 г. я получил циркуляр министра внутренних дел и основанное на нем предписание главного военного прокурора всем военно-полевым судам: приговаривать к смертной казни только бомбометателей, но не изготовителей и хранителей.

Когда я доложил об этом вашему императорскому высочеству, вы изволили вторично послать меня к председателю совета министров 18 декабря. Конечно, мои доводы и объяснения уже ни в чем не могли изменить состоявшееся и циркулярно оповещенное распоряжение, но по крайней мере П. А. Столыпин обещал предавать бомбистов военно-окружному, а не военно-полевому суду, дабы последний не мог впасть в противоречие с прежними своими приговорами. Итак, в то ужасное время, когда русская революция совершила целый ряд неслыханных злодеяний, мое распоряжение казнить бомбистов было признано чрезмерно крутым и отменено свыше. Ныне, когда наступило некоторое успокоение и затишье, меня обвиняют в неуместной снисходительности только потому, что я отправляю мелких грабителей, а не революционеров, не на виселицу, а на каторгу.

Представляя все вышеизложенное на благоусмотрение вашего императорского высочества, честь имею доложить:

Как прежде, так и ныне я действую строго обдуманно и последовательно, по долгу службы и присяги. Совесть моя спокойна. Ни на минуту я не забываю, что право жизни и смерти передано мне вашим императорским высочеством по особому высочайшему повелению и что это обязывает меня пользоваться этим правом честно и грозно, но справедливо, без напрасной жестокости.

Генерал от инфантерии Газенкам п ф

Письмо П. А. Столыпина вел. князю Николаю Николаевичу
от 10 февраля 1908 года

„Ваше императорское высочество“!

Представленные генералом от инфантерии Газенкампом объяснения, которые вашему императорскому высочеству благоугодно было препроводить мне при письме 5 сего февраля за № 51, я не могу признать удовлетворительными по следующим основаниям.

Прежде всего, едва ли представляется правильным устранение себя генералом от инфантерии Газенкампом от ответственности за замену смертных приговоров, когда таковая последовала по ходатайствам военно-окружного суда. Такая точка зрения несомненно умаляет серьезное значение предоставленного высшему военному начальству права контроля над деятельностью военно-судных учреждений, низводя установленную в сих целях конфирмацию приговоров к простому обряду утверждения предположений суда безотносительно к их правильности и целесообразности.

Подобным, чисто формальным, отношением к ходатайствам суда о смягчении участи осужденных при поступлении состоявшихся о них приговорах на утверждение повидимому только и объясняется замена смертной казни даже в таких случаях, когда виновные посягали на жизнь должностных лиц и не принадлежали к среде тех „мелких грабителей из уличных отбросов и подонков“, применить к которым установленную законом кару генерал от инфантерии Газенкампф признает несоответственным.

Вместе с тем я не могу также согласиться с мнением генерала Газенкампа о необходимости более снисходительного отношения к грабителям этого рода, чем к другим, действующим под влиянием политического фанатизма. Грабительство и разбой, которые вылились в настоящее время, охватившее Россию с 1905 г. в революционное движение, должны быть уничтожены беспощадно, и в виду этого, никакое снисхождение к деятелям такого рода, казалось бы, не должно иметь места. Между тем из имеющихся в моем распоряжении сведений видно, что генералом Газенкампом заменялась смертная казнь не только для таких грабителей, но и для убийц чинов полиции. В качестве довольно яркого примера я позволю себе указать на замену по ходатайству суда 24 августа 1907 г. смертной казни заключением в крепость на 3 года без лишения прав бывшему студенту Валентину Михайловичу Реззову, который обвинялся в том, что 1 мая 1907 г. выстрелил в городского Байкого, скончавшегося несколько дней спустя от причиненной ему раны. Таким же образом по ходатайству суда была заменена смертная казнь крестьянам Моисею Ковалеву, Федору Бутайкину и Григорию Иванову, из коих первый 13 октября 1907 г. был признан виновным в покушении на убийство постового городского, а двое последних 31 того же месяца в покушении на убийство двух городских.

За подобное посягательство на жизнь чинов полиции были судимы упоминаемые в рапорте генерала от инфантерии Газенкампа крестьяне Павел Храмов и Михаил Ушаков, участь которых была смягчена по его собственному усмотрению.

Исходу этих дел я не могу не придать особого значения, опасаясь деморализующего влияния слабости репрессий именно в этих случаях на чинов полиции, нравственная поддержка коих, при несении ими столь тяжелой службы, является прямой обязанностью правительства.

Не меньшее значение в общественном смысле должно было иметь также смягчение участи, по ходатайству суда, мешанина Ивана Перевалова и крестьянина Яна Пальма, осужденных 22 декабря 1907 г. за предумышленное убийство инженеров Верса и Нюберга вследствие исполнения последними обязанностей службы.

Приводимые даже в рапорте помощника вашего императорского высочества доводы о колеблющемся будто бы взгляде правительства на условия применения смертной казни представляются лишенным основания. Я вполне согласен со взглядами генерала Газенкампа, что вдохновители преступлений виновны, конечно, в большей мере, чем исполнители таковых, но тем не менее допускать в отношении их применения смертной казни, когда таковая не угрожает им по закону, я очевидно не могу.

В виду этого я и не мог изъять своего согласия на применение смертной казни к лицам, виновным в хранении взрывных снарядов, так как в качестве председателя советов министров никогда не могу узаконить противозаконную меру и при каких бы то ни было случаях высказываться за явное беззаконие.

Той же точки зрения я держался при действии введенных по моему почину военно-полевых судов, ибо и последние, вопреки мнению генерала от инфантерии Газенкампа, не являлись учреждениями незаконными, а должны были действовать на точном основании закона.

Эту единственную законную точку зрения, не допускающую и мысли о вовлечении суда в незаконное действие, я и отстаивал в личных моих объяснениях по указанному предмету и считаю долгом ныне подтвердить с тою же решительностью и твердостью, с которою я вменяю себе в обязанность настаивать на неуклонном применении закона, хотя бы сурового, но необходимого.

С чувством глубочайшего высокопочитания имею быть вашего императорского высочества всеподданнейший слуга.

№ 110310

П. Столыпин⁴.

10 февраля 1906 г.

Письмо Столыпина царю с требованием казни¹

„Ваше императорское величество.

Если долг генерал-адъютанта Дубасова побудил его просить милости для покушавшихся на его жизнь, то мой долг ответить на вопрос ваш: „что вы думаете?“ всеподданнейшей просьбой возвратит мне его письмо и забыть о том, что оно было написано.

Мне понятно нравственное побуждение Дубасова, но когда в Москве мятежники покушались на чужие жизни, не он ли железною рукою остановил мятеж?

Тяжелый, суровый долг возложен на меня вами же, государь. Долг этот, ответственность перед вашим величеством, перед Россиею и историею диктует мне ответ мой: к горю и сраму нашему лишь казнь немногих предотвратит моря крови, благость вашего величества да смягчает отдельные, слишком суровые приговоры, — сердце царево — в руках божьих, но не будет это плодом случайного порыва потерпевшего.

3 декабря 1906 г.

Министр внутренних дел Столыпин⁴.

Письмо Столыпина царю о забастовке бакинских рабочих и о военно-полевых судах

„Приемлю долг доложить вашему величеству, что меня сильно озабочивает забастовка судовых команд в Баку, во всех портах Каспийского моря, грозящая прекращением вывоза нефти и полною остановкою всей нашей заводской промышленности.

Я предупреждал об этом наместника, с разрешения вашего величества, шесть недель тому назад и рекомендовал ему увеличить гарнизон и принять другие меры. Однако кавказское начальство предупреждению не поверило и ничего не предприняло.

„Теперь, по моему мнению, настоятельно необходимо: немедленно послать в Баку не менее двух полков (там всего 3500 штыков) и под охраною войск поставить на суда новые команды, а забастовщиков, хотя бы 1000 человек, выслать из края.

На посылку соответствующей телеграммы наместнику испрашиваю решения вашего величества.

¹ Речь идет о требовании казни над Брезиним и Воробьевым, которые произвели покушение на Дубасова 2 декабря 1906 года в Петербурге (в Таврическом саду). Дубасов получил контузию и через несколько дней после покушения Дубасов был произведен из вице-адмиралов в адмиралы.

По приговору военно-полевого суда Брезин и Воробьев были повешены 4 декабря 1906 г. („Красный архив“, т. V, 1924 г., стр. 105 и 124).

В государственной думе продолжают словоизвержения зажигательного характера, а о работе не слышно. По вопросу о военно-полевых судах не удалось, однако, свести вопрос на нет...¹

Председатель совета министров Столыпин².

В первые же месяцы владычества Столыпина было совершено покушение на его жизнь (12 августа 1906 г.) путем взрыва его дачи на Аптекарском острове, но неудачно, во время взрыва пострадало около 30 человек его близких, сам Столыпин не пострадал.

Через пять лет, когда казалось, что ниоткуда не угрожает Столыпину никакая опасность—14 сентября 1911 г. в киевском оперном театре несколькими выстрелами из браунинга он был смертельно ранен и 18 сентября 1911 г. умер.

В момент покушения на Столыпина в театре был Николай II и высшие сановники империи, цвет бюрократического мира, допущенного только после тщательной фильтрации. К приезду Николая II местные охранники готовились: было основано специальное „регистрационное бюро“, в задачи которого входил учет всех политически опасных людей.

Убийца Столыпина Дмитрий Богров прошел в театр по билету, который ему дали сами же охранники, он был близок к охранке, но в памятный вечер обманул ее доверие. Жандармы имели право доверять Богрову, он это доверие купил рядом предательств. Когда сенатор Трусевич, ревизовавший киевское охранное отделение после убийства Столыпина, потребовал доказательств прежних „услуг“ Богрова, эти доказательства Трусевичу были даны.

Богрова задержали в театре и истерзанного, избитого, в том же фраке, какой на нем был, отправили в крепость.

В 3 часа ночи с 24 на 25 сентября Богров был повешен на Лысой горе в Киеве.

О влиянии столыпинской реакционной эпохи на новый революционный подъем в России Владимир Ильич так писал:

„Умерщвление обрешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контр-революции. Поэтому событие 1-го (14) сентября, очень маловажное само по себе, вновь ставит на очередь вопрос первой важности о содержании и значении нашей контр-революции“... (Ленин, т. XI, ч. 2 стр. 361-362, „Столыпин и революция“).

„Столыпин сошел со сцены как раз тогда, когда черносотенная монархия взяла все, что можно было в ее пользу взять от контрреволюционных настроений всей русской буржуазии. Теперь эта буржуазия, отвергнутая, оплеванная, загадившая сама себя отречением от демократии, от борьбы масс, от революции, стоит в растерянности, видя симптомы нарастания новой революции. Столыпин дал русскому народу хороший урок: итти к свободе через свержение царской монархии, под руководством пролетариата...“ (Ленин, т. XI, ч. 2, стр. 369-370, „Столыпин и революция“).

¹ В заседании государственной думы 13 марта 1907 г. происходили начавшиеся 12 марта прения по законопроекту об отмене военно-полевых судов (действие которых началось с 19 августа 1906 года и к моменту прений было уже казнено этими судами свыше 1000 человек). По этому вопросу, в защиту действия военно-полевых судов выступал Столыпин. Дума избрала комиссию из 16 лиц для передачи в нее законопроекта. Казни продолжались...

ОСОБО ВЫДАЮЩИЕСЯ ЭКЗЕКУТОРЫ И ПОСОБНИКИ ПАЛАЧЕЙ

В дни черной реакции, после революции 1905 г., во многих местностях России население подпало под власть отдельных, экзекуторов, начальников карательных отрядов и экспедиций, творивших суд и расправу по своему усмотрению. Расстрелять, повесить, изорудовать, отрубить голову, изнасиловать, выпороть, поджечь деревню—все это считалось среди царской плутократии проявлением „высшей патриотической доблести“. Авторитет карателя-экзекутора рос с ростом количества совершенных им злодеяний. На крови и костях рабоче-крестьянских масс делалась карьера, росли награды.

Список главных экзекуторов

Адлерберг. Граф. Комендант Кронштадтской крепости, 7 августа 1906 г. руководил расстрелом матросов: Алексева, Бакланова, Вассила, Козакова, Мозерова, Пурвинга и Якушева за участие в кронштадтском восстании с захватом форта „Константин“. Адлерберг глумился и издевался над приговоренными к расстрелу, заставляя смертников собственноручно копать себе могилы и приговаривал с усмешкой: „Копайте, копайте. Вы хотели, ребята, земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах“... Члены боевой организации кронштадтского военно-революционного комитета: Венедиктова, Мамаева, Власов, Ипатов и Тубилевич готовили на графа Адлерберга покушение и в результате провокации Азефа покушение провалилось и перечисленные 5 революционеров были казнены 14 октября 1906 г. там же, в Кронштадте, под руководством графа Адлерберга.

Александровский. Полицейский пристав. Собственноручно пытал политических арестованных в 1906 г. в Риге. Во время „допроса“ он повалил на пол 18 летнего рабочего Лапса, вскочил на его грудь и прыгал до тех пор, пока грудная клетка не оказалась проломленной. После этого Лапса расстреляли.

Алексеев. Офицер. Собственноручно расстрелял крестьянина Яна Гольде в 1906 г.

Алиханов. Прапорщик. По сведениям „Современника“ Алиханов-Аварский проявил себя в Закавказье как настоящий средневековый тиран... „Раз'езжая в сопровождении пушек,

драгун и казаков, он требовал, чтобы все встречные кланялись ему. Неисполняющих этого требования избивают до полусмерти... Алиханов, узнав, что крестьяне не всем еще помещикам уплатили земельные повинности, созвал сход и обратился к крестьянам с такими словами: „Я с вами говорю словами и заявляю вам, что, если в три дня повинности не будут уплачены, то придет полковник Гаврилов, который с вами пушками рассчитается“...

Андреев. Офицер—каратель. Собственноручно расстрелял Отто Камельдера, предварительно ранив его в голову рукояткой револьвера.

Фон-Ательмеер. Барон. Экзекутор. Порол крестьян Прибалтийского края за участие в восстании батраков.

Афанасьев. Полицейский пристав 2-го участка города Риги, заведывавший и руководивший инквизицией над арестованными революционерами.

Барн. Ротмистр. Руководил карательным отрядом, сжигавшим убогие жилища батраков, участников восстания.

Барынин. Начальник нижегородской тюрьмы, организатор и технический руководитель приведения в исполнение смертных приговоров через повешение.

Батьямиров. Экзекутор. Собственноручно расстрелял 8 крестьян, участников восстания.

Бауер. Капитан л.-гв. кексгольмского полка, активный участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского.

Безобразов. Генерал. Экзекутор, Собственноручно расстрелял 8 чел. в том числе рабочих Иоанна Кирмана, Вану, Крафта, Карда, Ленгбейна и др.

Беловский. Офицер 17 драгунского Волынского полка. Экзекутор. Собственноручно расстрелял Якова Путнина, Густава Маркавича (перерезав ему горло после расстрела). Индрику перерезал горло, выбил зубы, после чего расстрелял. Карлу Сакал перед расстрелом выбил глаз.

Фон-Бера. Барон. Собственноручно расстрелял 26 декабря 1906 г. 15 чел.

Бража. Барон. Экзекутор. Руководил поркой батраков, отказавшихся работать за гроши.

Браун. Офицер. Собственноручно расстрелял студента Бермана, Яна Фонаста, Кириллина и Берзнак. Все они, под руководством Брауна, перед расстрелом были подвергнуты пыткам.

Бредерих Сильвей. Барон. Собственноручно расстрелял 21 человека.

Брюммер. Барон. В январе 1906 г. собственноручно расстрелял 16 крестьян, отказавшихся работать на помещика.

Буланже. Капитан л.-гв. Кексгольмского полка, активный участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского.

Бульмеринг. Барон. Собственноручно избивал нагайками крестьян, участников аграрного движения.

Бурчак-Абрамович. Корнет драгунского полка. В 1906 г. под его непосредственным руководством было расстреляно, 60 батраков Прибалтики, как заподозренных в участии в восстании.

Бусло. Прокурор рижского суда, отдавший приказ по полиции „допрашивать усердно“, на основании которого, не боясь ответственности, инквизиторы Грегус, Михеев, допрашивая, калечили тело, выкручивали руки, ноги и т. д.

Буш. Офицер. Собственноручно расстрелял 12 человек.

Вальден. Барон. Собственноручно расстрелял 5 крестьян за батрацкое восстание.

Велиш. Барон. Экзекутор. Собственноручно расстрелял 10 человек, участников восстания.

Вершинин. Генерал. Отдал приказ: за каждого убитого полицейского расстрелять в первом случае—9 чел., во втором случае—27 чел. и далее 40 чел. Карательным отрядом действовать беспощадно, хотя бы при этом пришлось расстрелять всех „взбунтовавшихся латышей“. Этот же генерал приказал избить нагайками 47 чел.; при чем каждому дано по 400 и одному учителю 500 ударов нагаек.

Веттер Рюрик. Собственноручно убил 8 чел.

Визиров. Полковник. Под его руководством расстреляны: Швельман, Микельсон, Натынь, Штейн, Тулис и др. Всего в 1906 г.—16 чел.

Висмонт. Свирепый инквизитор города Риги.

Высоцкий. Городовой. Помощник палача во время казней революционеров через повешение.

Фон-Вольф. Барон. Экзекутор. Собственноручно в 1906 г. избивал крестьян-демонстрантов.

Фон-Враггель. Барон. Экзекутор. Собственноручно повесил 5 чел. участников восстания и порол крестьян.

Гагарин. Князь. Участник карательной экспедиции барона Меллера-Закомельского по Сибири. 18 января 1906 г. командовал отрядом во время расстрела 6 чел., участников восстания на ст. Мысовой.

Гаккенберг. Поручик. Участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского по Забайкалью в 1906 г. и участник расстрелов.

Фон-Ган. Барон. Расстрелял 20 чел.

Гервиц. Офицер. Экзекутор. Собственноручно убил революционера Мартина Свараг и изувечил в 1906 г. 63 чел. крестьян.

Главацкий. Участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского по Забайкалью в 1906 г. и участник расстрелов.

Глинский. Помощник киевского полицмейстера, технический организатор смертных казней.

Гордеев. Полковник. Экзекутор. Собственноручно порол крестьян.

Горностаев. Киевский полицмейстер. Технический организатор смертных казней.

Грабе. Барон. Собственноручно расстрелял 12 крестьян в Рижском уезде в марте 1906 г.

Грасман. Полицейский пристав. Истязатель. Собственноручно во время допроса пытал специальными приборами революционера Эхгольца.

Грановский. Урядник. Экзекутор. Расстрелял батрака Августа Сауса.

Грегус. Главный рижский инквизитор. Во время допроса революционера Страдыня повалил его на пол, бил нагайкой по икрам ног до тех пор, пока икры не распухли и мясо стало отваливаться от костей. Окровавленного и изувеченного расстреляли.

Гулевич Н. А. Казачий офицер-каратель отряда ген. Ренненкампа по Забайкалью в 1906 г. Собственноручно повесил в Верхнеудинске Гордеева и др., а всего 6 чел. участников восстания.

Давус. Помощник инквизитора Грегуса. Революционеру Петру Азёну во время допроса отрубил ногу, железными палками изувечил все тело. Окровавленного и умирающего Азёна Давус собственноручно расстрелял.

Данилов. Офицер. Экзекутор.

Джорджадзе. Князь. Прапорщик, участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского по Сибири и Забайкалью в 1906 г., участник расстрелов.

Дзильна. Урядник. Лично участвовал в экзекуции 33 крестьян и в расстреле 11 батраков, в том числе: Петра Витолина, отца и сына Петруки, Вевербранта и Пинке.

Добросердов. Военный врач. Участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского. Составлял акты о смерти казненных.

Дракенфельс. Барон. Экзекутор. Расстрелял Федора Амур.

Дубаль Григорий. Полицейский пристав. Экзекутор. Лично порол крестьян.

Евангеличев. Князь. Привязал к деревьям 9 крестьян и собственноручно их расстрелял. Вместо революционера Юргенса он расстрелял другого однофамильца, вместо сына—расстрелял отца.

Евецкий А. П. Поручик л.-гв. Кексгольмского полка участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского и участник расстрелов по Забайкалью в 1906 г.

Ермолов. Поручик. Технический организатор казней при карательной экспедиции Ренненкампа. Руководил расстрелом Коновалова-Попова и др.

Жданов. Экзекутор. Лично порол крестьян в феврале 1905 г. в Тамбовской губернии.

Журавлев. Урядник. Рвал щипцами тело арестованных и солью посыпал раны.

Заботкин. Подполковник 55 драгунского финляндского полка. Участник карательной экспедиции барона Меллер-Закомельского и комендант его поезда. 18 января 1906 г. руководил расстрелами на ст. Мысовой, Заб. обл., во время которых казнено 6 человек, в том числе Вялый, член с.-д. большевистской группы ст. Мысовой, Заб. ж. д.

Звейнек Ян. Инквизитор. Порол крестьян.

Зилле. Стражник. Избивал нагайками арестован. батраков.

Зотимов. Участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского по Сибири и Забайкалью в 1906 г.

Иванов. Помощник начальника нижегородской тюрьмы, технический организатор смертных казней через повешение.

Иванов. Поручик. Каратель. Собственноручно расстрелял 4 крестьян.

Ильин. Старший надзиратель нижегородской тюрьмы, технический организатор смертных казней через повешение.

Ильинский. Полицейский пристав. Собственноручно пытал арестованных рабочих и крестьян в Риге в 1906 г.

Ионин. Руководитель пыток на станции Огар. Он собственноручно пытал Якова Заренко, рвал его половые органы, бил ногами, выбил у него глаз.

Кайзерлинг. Граф. Собственноручно избил нагайками 25 крестьян.

Карташов. Штабс-капитан. Участник карательной экспедиции Меллер-Закомельского на Заб. ж. д. в 1906 г и участник расстрелов.

Каспи Иоанн. Барон. Собственноручно избил 20 крестьян, участников движения батраков.

Клопман. Барон. Экзекутор прибалтийских деревень.

Ковалинский. Жандармский полковник. Активный участник карательной экспедиции ген. Меллер-Закомельского в 1906 г. по Сибири и Забайкалью.

Комаров. Полковник. Руководитель казней при карательной экспедиции ген. Ренненкампа на ст. Хилок, Заб. обл. После расстрела Галова, Боровицкого и др. (всего 7 чел.) 18 февраля 1906 г. он донес Ренненкампу: „В 7 ч. 30 м. приговор суда приведен мною в исполнение благополучно“.

Корф. Барон. Собственноручно расстрелял 6 человек.

Фон-Коцебу. Каратель. Собственноручно истязал 13 человек.

Кошко. Агент рижского сыскаго отделения. Истязал специальными приборами политических арестованных.

Краевский. Полицейский надзиратель рижской полиции. Истязатель рижских рабочих.

Кукас. Полицейский пристав. Экзекутор.

Левестам М. Ю. Генерал-лейтенант, командир 2-й Сиб. стрелковой дивизии. Руководил расстрелами и разгромом красноярских ж.-д. мастерских в октябрьские дни 1905 г.

Лунин. Помощник полицейского пристава, руководивший истязаниями над арестованными революционерами в Риге.

Маевский. Офицер. Экзекутор.

Майдель. Барон. Собственноручно расстрелял 6 чел.

Максимов. Флотский офицер. Сам расстрелял революционеров Маньчика, Луста и Маста.

Малицкий Петр Васильевич. Полицейский пристав г. Киева, неприменный распорядитель казней с 1906—1907 гг.

Маматкази. Ротмистр. Начальник особого отряда кар. экспедиции ген. Меллер-Закомельского по Сибири и Забайкалью в 1906 г. Непременный участник всех расстрелов, имевших место во время действий карательных отрядов.

Манфред Вольф. Барон. Каратель. Собственноручно расстрелял Аврула, Венурита, Сурикова, Верта и двух братьев Пустынь. Этот барон, отличившийся в ноябре 1905 г. и расстрелявший 25 крестьян, во время восстания, добродушными крестьянами был безнаказанно освобожден и выслан за пределы волости. В дни карательных экспедиций барон Манфред вернулся с карательным отрядом и принялся за расправу над крестьянами.

Мантейфель. Барон. Каратель. Собственноручно расстрелял 16 чел. участников восстания в декабре 1905 г.

Мартынов. Врач при карательном отряде ген. Ренненкампа. Констатировал смерть казненных.

Марченко. Капитан л.-гв. Волынского полка. Активный участник карательной экспедиции барона Меллер-Закомельского по Сибири и Забайкалью в 1906 г.

Маслов. Ротмистр. Каратель. Под его руководством крестьян били шомполами.

Матвеев. Помощник экзекутора.

Медем. Граф. Экзекутор. Собственноручно убил 22 чел. крестьян за участие в восстании в феврале 1906 г.

Мейф. Полицейский пристав рижской полиции. Собственноручно истязал множество политических, арестованных в период 1906—1907 гг.

Меллер-Закомельский А. Н. Барон. Генерал. Участвовал в подавлении польского восстания. Командовал отрядом в ноябре 1905 г. в Севастополе по подавлению революционного движения во флоте (восстание П. П. Шмидта). Командовал карательным отрядом на Самаро-Златоустовской, Сибирской и Забайкальской ж. д. в 1906 г., где по его приказу расстреляно свыше 100 чел., главным образом ж.-д. рабочих, за что был царем вознагражден и отправлен на усмирение восставших батраков Прибалтики, будучи назначен прибалтийским генерал-губернатором.

Меньшиков. Охранник. Экзекутор города Риги в 1905—1907 гг. Он собственноручно изувечил множество политических арестованных.

Мин Г. А. Командир лейб-гвардии Семеновского полка, усмиритель московского вооруженного восстания, был расстрелян

на станции Петергоф в августе 1906 г. Зинаидой Васильевной Коноплянниковой.

Михеев. Инквизитор рижской полиции. Собственноручно избивал и калечил множество арестованных революционеров.

Михайлов. Офицер. Каратель. Собственноручно расстрелял 4-х крестьян.

Мошир Иван Кузьмич. Пом. полицеймейстера. Технический организатор казней. Убит крестьянами при гетманщине, в Звенигородском уезде.

Муре. Полковник. Постоянный технический организатор казней на „Лисьему Носу“ в 1906—1908 гг.

Мусатов. Казачий офицер. Экзекутор. Отрубил головы 8-ми восставшим батракам.

Назимов. Офицер. Каратель. 8 января 1906 г. собственноручно расстрелял 40 чел. крестьян.

Неффа. Барон. Экзекутор. Собственноручно убил крестьян, участников восстания.

Один С. И. Капитан. Начальник штаба карательной экспедиции ген. Ренненкампа на Забайкальской ж. д. 1906 г. Распорядитель казней.

Онуфрий. Экзекутор при рижском городском полицейском управлении. Собственноручно пытал и калечил политических арестованных.

Орлов Александр Афиногенович (1862—1908). Командир л.-гв. уланского полка, позднее командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Кровавый усмиритель революционного движения в Прибалтийском крае в 1905-1906 гг. За свои „подвиги“ царем вознагражден званием „Орлов-Балтийский“. Собственноручно расстрелял несколько десятков батраков, участников восстания. В 1908 г. на почве романической связи с женой Николая второго (Александрой Федоровной), собственноручно убит царем, в своем кабинете. Александра Федоровна так выразилась о гибели Орлова: „Утрата Орлова была для меня таким горем, что я боялась потерять рассудок... Папа (царь) сказал однажды, что он ничего не потерпит как муж и царь“... (Дневник Вырубовой. „Минувшие дни“, № 1, стр. 26, 1927 г.).

Фон-Остен-Сакен. Барон. Собственноручно изувечил революционера Петра Упмана, расстрелял Безайса, Калькиса, Рузаре, поэта Девкоцина и истязал 20 чел. участников восстания батраков.

Павленко. Офицер. Экзекутор. Собственноручно порол нагайками 20 крестьян, нанося от 30 до 300 ударов каждому.

Павлов. Капитан. Прокурор при карательном отряде ген. Ренненкампа. На „скорострельных“ судах он требовал по отношению ко всем обвиняемым смертную казнь.

Петров. Прапорщик. Технический организатор казней на „Лисьем Носу“ в 1906—1909 гг.

Петров. Полицейский чиновник. Инквизитор города Риги.

Писаренко. Участник карательной экспедиции барона Меллер-Закомельского. 18 января 1906 г. руководил расстрелом 6 человек участников восстания на ст. Мысовой, Забайкальской области.

Писарчук. Инквизитор при рижском полицейском управлении.

Пистолькорс А. Э. Барон. Экзекутор. Командуя карательным отрядом в 1905 г. в Прибалтийском крае, собственноручно повесил 85 батраков, участников восстания.

Поле. Урядник. Собственноручно расстрелял революционера Линина.

Полонский. Поручик л-гв. Литовского полка, активный участник карательной экспедиции барона Меллер-Закомельского в 1906 г. по Сибири и Забайкалью.

Попов. Эсаул. Экзекутор. Изувечил собственноручно 30 крестьян, дав каждому от 30 до 100 ударов нагайками.

Пустосвитов. Каратель. В 1906—1907 гг. в Прибалтийском крае собственноручно избивал и калечил крестьян, частных к революционному движению.

Пчелко. Председатель военно-полевого суда карательной экспедиции ген. Ренненкампа, приговоривший несколько сот человек—восставших, к смертной казни в январе—феврале 1906 г.

Фон-Раден. Барон. Собственноручно убил революционера Генриха Гросскопфа.

Ребиндер. Граф. В марте 1906 г. собственноручно убил 2-х крестьян, братьев Вольплер Иозеф-Мартов и Вольплер Иозеф-Карлов.

Фон-Ренганртен. Каратель и экзекутор в 1906 г. в Прибалтийском крае.

Ренненкампф. Барон. В январе 1905 г. в Прибалтийском крае собственноручно расстрелял 22 чел.

Ренненкампф П. К. Ген.-лейт., в 1905 г. командовал 7-м Сиб. арм. корпусом, а в 1906 г. командовал 3-м Сиб. арм. корпусом в русско-японскую войну; в начале 1906 г. стал во главе карательной экспедиции на Забайк. ж. д. Принимал участие в империалистической войне; от февральской до октябрьской революции скрывался в Таганроге в должности дворника. На улице был задержан и опознан одним из бывших солдат (участника русско-японской войны). Расстрелян в Таганроге в ноябре 1917 г. (см. главу: „Кровавый Смерч“).

Риман. Полковник. Командовал карательным отрядом в дни декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. Под его руководством расстреляно свыше 300 чел. Собственноручно расстрелял около 100 чел., главным образом железнодорожников Московско-Казанской ж. д. на ст. Перово, Люберцы, Голутвино и Ашитково. Среди расстрелянных:

16 декабря 1905 г. на ст. Перово: Орловский, Ларионов, Оводов, Молостовы (два брата), Дрожин, Шкарин и двое неизвестных.

17 декабря 1905 г. на ст. Люберцы: Михельсон, Неустроев, Фукалов, Волков, Николаев, Дубинский, Лядин, Крылов, Носков, Фунтов, Киселев, Смирнов и Ухтомский.

18 декабря 1905 г. на ст. Голутвино: Надеждин, Шелухин, Варламов, Якубовский, Космачеров, Зайцев, Сапожников, Тарарыкин, Дорф, Мельников, Старостин, Плотников, Фрокиц, Иванов, Соломатин, Стопчук, Порошков, Абрамов, Ильичев и 5 расстрелянных, фамилии которых не установлены.

19 декабря 1905 г. на ст. Ашитково: Виноградов, Тунин и Фадеев.

После массовых расстрелов и разгрома восстания, 20 декабря 1905 г. полковник Риман приказал карательному отряду готовиться к возвращению в Москву. Перед отъездом в церкви был отслужен благодарственный молебен и Риман произнес „речь“, в которой между прочим сказал: „Достаточно я пролил крови и больше никого убивать не буду“ ...

Через несколько месяцев после карательных действий Римана, некоторые осиротевшие семьи возбудили через присяжного поверенного Лисицина иск против Римана, требуя обеспечения детей осиротевших семейств и вообще возмещения убытков от разгрома. По этому поводу военный министр Сухомлинов ходатайствовал перед Николаем II о прекращении дела и царь, продержав у себя дело пять лет, 2 декабря 1911 г. вернул доклад Сухомлинову с надписью: „Согласен. Если бы все военные начальники действовали по примеру полковника Римана, то Россия не пережила бы тяжкой и постыдной години 6 лет назад. Николай“.

Риман после своих карательных действий, опасаясь мести со стороны революционных организаций, выехал в глухую деревушку Испании, проживал там инкогнито на специальные средства, отпущенные царем.

В 1907 г. он вернулся из Испании и занял пост командира 91 Двинского полка, стоявшего в Ревеле.

В дни февральской революции он проживал в Киеве и бесследно исчез.

Рыжов. Начальник карательного отряда в Прибалтике. Под его руководством в 1906 г. расстреляно 20 крестьян.

Розенталь. Барон. В марте 1906 г. расстрелял 10 чел.

Рутковский. Поручик. Активный участник карательной экспедиции барона Меллер-Закомельского по Сибири и Забайкалью в 1906 г.

Сабецкий. Полицейский пристав рижской полиции. Инквизитор. Усердно „допрашивал“ революционера Карлсона и, не получив от него признания, повалив его на пол, лицом вниз, резиновыми палками искромсал ему спину.

Савельев. Капитан. Собственноручно расстрелял 18 чел., в том числе: Пурмана, Аугшмидта, Звайнгза, Ришке, Душлера, Саула Ревизора, Фрица, Стапрана, Якова Строже, Браувера и др.

Савицкий. Подполковник. Активный участник карательной экспедиции ген. Ренненкампа по Забайкалью в 1906 г.

Свешников. Полковник. Технический организатор казней через повешение на „Лисьем Носу“, в 1907—1909 гг.

Семенов Федор Федорович. Поручик. Собственноручно расстрелял 15 чел.

Сиверс. Барон. Экзекутор 9 января 1906 г. он собственноручно расстрелял: Антона Пихельгаса—15 л., Петра Пихельгаса 16 л. Яна Маджон, Александра Муликas, Якова Пучдер, Мартина Майсло, Теннис Термер, Микель Мери, Августа Кербланс, Николая Михайлова, Яаккассе, Александра Янсон, Вольдемара Янзен, Ганса Текке, Гана Кап и выпорол много женщин, стариков и детей. В общей сложности Сиверс собственноручно расстрелял 42 человека.

Скубин. Урядник. Собственноручно пытал арестованных, бил их резиновыми палками.

Собещанский. Полковник. Неизменный сопроводитель смертников к эшафоту на „Лисий Нос“ в 1907—1909 гг.

Солонин. Генерал-майор. Собственноручно расстрелял 20 чел.

Степанов. Офицер. Экзекутор. Расстрелял ж.-д. сторожа.

Стрельцов. Урядник. Расстрелял 4-х чел. и избил резиновыми палками 15 чел.

Таубе. Полицейский экзекутор. Собственноручно пытал арестованных иглами, прокалывал щипцами кожу и раны посыпал солью.

Тишин. Полковник. Участник карательной экспедиции ген. Ренненкампа по Забайкалью и Сибири. Председатель военно-полевого „суда“ этого отряда, осудившего свыше 100 чел.—участников восстания к смертной казни за январь-февраль 1906 г.

Тыртов. Полковник. Участник карательной экспедиции ген. Ренненкампа по Забайкалью в 1906 г.

Ткачев. Полицейский экзекутор рижской полиции.

Тор. Полицейский надзиратель. Инквизитор.

Фон-Фитингоф. Барон. Собственноручно расстрелял революционеров Китаева, Тормалан и Твинтык.

Фогт. Барон. Экзекутор. Собственноручно расстрелял 60-летнего старика, аграрника Мартина Сварек.

Фредерикс. Барон. Начальник карательного отряда Прибалтийского края. Собственноручно изувечил плетью 25 крестьян.

Фролов. Экзекутор. Собственноручно изувечил свыше 50 чел. в 1906 г.

Циммерман. Рижский экзекутор. Избивал резиновыми палками арестованных революционеров.

Фон-Цюрмюлен. Расстрелял собственноручно десять батраков, участников восстания.

Шабловский. Полицейский пристав в Виндаве и Риге. Летом 1906 г. расстрелял 15 чел.

Швабе. Помощник начальника рижской сыскной полиции. Пытал политических заключенных специальными приборами.

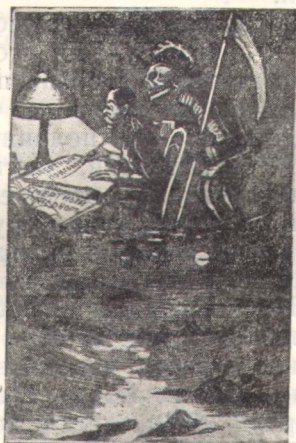
Шпилевский. Подполковник 6-го читинского запасного батальона. Собственноручно расстрелял рабочего читинских ж.-д. мастерских Кисельникова 15 октября 1905 г. во время демонстрации и ж.-д. забастовки.

Фон-Шредер. Экзекутор. Собственноручно расстрелял 25 чел., участников восстания батраков в декабре 1906 г.

Энгаличев. Полковник. Экзекутор.

Фон-Эрудорф. Барон. Собственноручно расстрелял крестьян Данишевского и Фреймана.

Этот список экзекуторов, разумеется не может считаться исчерпанным.

ПАЛАЧИ

(Исполнители смертных приговоров через повешение)

В роли палачей больше всего выступали уголовные арестанты, приговоренные к казни или к каторге и помилованные после их предложений стать палачами. Палачи получали за каждого повешенного от 10 до 200 руб. и несколько месяцев или лет скидки со срока отбываемого ими наказания. Нередко в роли палача выступали агенты сысканого отделения, городовые, а также и „благородные“ люди.

В сравнении с действительным количеством палачей, орудовавших в „святой Руси“, автору удалось собрать сведений о них довольно мало. Часть материала собрана по отчетам советского суда, судившего палачей, выявленных благодаря раскопкам в архивах бывшего департамента полиции и разбору дел различных губернаторских канцелярий; часть палачей были раскрыты при различных случайных обстоятельствах.

Имеются документы, составленные руками самих палачей, нечто вроде автобиографий, которые мы приводим здесь с сохранением подлинника, т. е. в том виде, в каком они составлены самими „авторами“. Имеются сведения об орудовавших „неизвестных“ палачах, имена которых еще не установлены.

Не всегда, особенно в эпоху казней народовольцев (1879—1881), легко находили палача. Когда предстояла казнь Владимира Дубровина (апрель 1879), долго не могли найти палача и власти этим были обеспокоены, ибо не найдя палача для повешения Дубровина, пришлось бы использовать воинский отряд для расстрела „преступника“, а для замены повешения—расстрелом, требовалась санкция царя, почему все это неприятно было петербургскому градоначальнику Зурову, который стремился обязательно найти палача, чтобы тот повесил Дубровина.

15 апреля 1879 г. Зуров просит министра внутренних дел Макова „дать распоряжение о розыске палача для приведения в исполнение смертного приговора над Дубровиным, так как палача с 1869 г. в здешней столице не имеется“.

Министр Маков, дабы вывести Зурова из создавшегося положения, посылает по телеграфу московскому губернатору следующее распоряжение.

„Сделайте распоряжение о высылке первым пассажирским поездом палача, исполнявшего приговоры к смертной казни через повешение.

Стагс-секретарь М а к о в“.

Не получив ответа, министр Маков вторично телеграфирует: „Московскому губернатору. Прошу выслать требуемое телеграммой за № 7621 в распоряжение петербургского градоначальника. Статс-секретарь Маков“.

17 апреля 1879 г. министр Маков получил радостную весть от московского губернатора:

„Палач отправляется вторник первым утренним пассажирским поездом“.

Палач был завербован из уголовных арестантов московской губернской тюрьмы и имя его еще не было известно (палачем оказался уголовный Иван Фролов).

Министр Маков, наряду с телеграммой московскому губернатору, одновременно телеграфировал и варшавскому губернатору с одной и той же целью: „ищите и шлите в столицу палачей“, на что получил от варшавского губернатора 17 апреля 1879 г. такой ответ:

„Палач, приводивший в исполнение смертные приговоры в 1863 и 1864 г., умер, и ныне штатного палача нет. Все старания, при помощи варшавского обер-полицеймейстера, разыскать помогавших в то время палачу и ознакомленных с делом, не увенчались успехом“.

Через несколько часов, тот же варшавский губернатор послал министру Макову радостную телеграмму:

„Удалось отыскать личность, приводившую несколько раз в исполнение приговоры. Выслан стражником сегодняшним десятичасовым утренним поездом“.

Петербургский генерал-губернатор был доволен. Сразу нашлось два палача и приговор над Дубровиным через повешение был им утвержден. Начались старательные приготовления к обряду казни, состоявшейся 20 апреля 1879 г.

Из Москвы и Варшавы прибывшие палачи были направлены в распоряжение коменданта петербургской крепости при следующем письме за № 587:

„Согласно отношения с.-петербургского градоначальника препровождаю при сем заплечных мастеров Степана Суваловского не в роде арестанта и Ивана Фролова, как состоящего при московской тюрьме, и следует иметь за ним надзор; имею честь покорнейше просить в принятии их и выдать конвойным квитанцию; к сему присовокупляю, что по окончании казни они будут взяты обратно“.

**Царь Александр II считал более удобным вешать,
чем расстреливать**

Весною и летом 1879 г. предстояло несколько казней по приговорам киевского военного суда (Антонова-Свириденко, Брандтнера, Осинского, Бильчанского), приговоренных к расстрелу, но частые привлечения войск к исполнению этих приговоров не давали того эффекта, какой рассчитывало получить правительство, в результате чего, киевский генерал-губернатор Чертков счел необходимым рекомендовать своим подведомственным экзекуторам поменьше расстреливать, а побольше вешать, о чем он разослал 12 мая 1879 г. следующий секретный приказ, полученный им из Петербурга:

Секретно.

„Временно командующему войсками гвардии и петербургского военного округа

Государь император, получив сведение, что некоторые из политических преступников, судившихся в Киеве военным судом на основании высочайшего повеления 9 августа 1878 г. приговорены к смертной казни расстрелянием, изволил заметить, что в подобном случае соответственное назначать повешение, при чем избегать употребления войска для исполнения приговора.

О вышеизложенном имею честь сообщить вашему высокопревосходительству для руководства при конфирмации приговора военных судов по делу сего рода“.

Генералу Черткову предстояли хлопоты по розыску палачей, чтобы выполнить волю вешателя второго Александра, Чертков телеграфировал министру внутренних дел Макову:

„В Киеве вскоре предстоит совершение одновременно нескольких смертных казней, и военный министр указал на предпочтение повешения. Между тем, здесь палачей нет, и неизвестно, где они еще есть. Благоволите приказать командировать двух или трех палачей как можно скорее, чтобы они помогли в приготовлениях, и не задерживать самих казней.

Не оставьте уведомить телеграфом, какое будет сделано распоряжение по этому предмету.

Благоволите также приказать поспешить указанием киевскому губернатору, куда именно он должен будет отправлять арестантов, приговоренных по последним политическим делам на каторжные работы.

9 мая 1879 г.

Генерал-адъютант Чертков“.

Черткову долго не пришлось ждать ответа. На другой день, 10 мая, он получил от министра Макова ответную телеграмму:

„Сегодня отправлен из Петербурга к киевскому губернатору палач, приводивший в исполнение приговор над Дубровиным. Другой палач возвращен в Варшаву. Если ваше превосходительство не полагаете возможным ограничиться одним, то благоволите прямо от себя снести с графом Коцебу о присылке в Киев лица, который был для той же цели присылаем в Петербург. Других в виду не имею. Посылаемый отсюда должен быть тотчас по миновании надобности возвращен“.

В погоне за палачем

В июле 1879 г., за месяц до суда над Дмитрием Лизогубом и др., одесский генерал-губернатор граф Тотлебен, будучи уверен в исходе процесса со смертными приговорами, заблаговременно был озабсчен в приготовлении опытного палача. Зная, что недавно (май 1879) опытный палач казнил несколько смертников в Киеве, граф Тотлебен просит киевского губернатора одолжить ему палача:

Конфиденциально.

„Киевскому генерал-губернатору

В непродолжительном времени предполагается исполнение в городе Одессе несколько смертных казней через повешение, между тем палача здесь нет.

В виду того, что в городе Киеве в прошлом месяце была исполнена смертная казнь также через повешение над тремя политическими преступниками, я обращаюсь к вам, ваше превосходительство, с покорнейшей просьбою не признали ли бы вы возможным сделать распоряжение, чтобы палач, исполнявший обряд казни над Синским и другими, был прислан на некоторое время

в распоряжение одесского градоначальника. Если же к присылке этого палача встретятся какие-либо препятствия, то не признаете ли, ваше превосходительство, возможным сообщить мне, куда и к кому следует обратиться по этому предмету,

Генерал-губернатор генерал-ад'ютант Тотлебен".

Киевский генерал Чертков немедленно ответил одесскому генералу Тотлебену:

„Палач, совершивший 14 прошлого мая в Киеве казнь через повешение над Осинским и другими, был по моей просьбе командирован министром внутренних дел из Петербурга, куда обратно и выехал“.

Граф Тотлебен, не теряя времени, спешно обращается к министру внутренних дел Макову (за 23 дня до казни):

„Конфиденциально.“

Господину министру внутренних дел.

В последних числах июля (1879) предстоит исполнить в Одессе несколько смертных приговоров через повешение, между тем, палача здесь нет.

Получив от господина киевского, подольского и волынского генерал-губернатора уведомление, что палач, совершивший 14 июля в Киеве казнь через повешение над Осинским и другими, был по просьбе генерал-ад'ютанта Черткова командирован вашим высокопревосходительством из Петербурга, куда обратно и выехал, имею честь просить распоряжения вашего высокопревосходительства о присылке в г. Одессу палача к 25 июля“.

Палач Иван Фролов был, конечно, немедленно отправлен.

Богатый казнями народовольцев 1879 г. вынуждает киевского и одесского губернаторов непрерывно бронировать палача, о чем министр внутренних дел Маков получает ряд телеграмм. Киевский губернатор Чертков 8 июля 1879 г. телеграфировал:

„Предвидя исполнение смертных казней, прошу распоряжения о командировании палача в Киев. Желательно, чтобы прибыл не позже 15 числа (июля)“.

Означенная телеграмма удостоилась следующей резолюции министра Макова:

„Нужно написать градоначальнику, чтобы выслал в Киев и что затем палач будет отправлен в Одессу. Генерал-ад'ютанта Черткова просить, чтобы по миновании надобности отправил палача под присмотром в распоряжение одесского генерал-губернатора, а сему последнему о всем этом сообщить“.

Канцелярия министра пишет петербургскому градоначальнику Зурову:

„Выслать содержащегося в с.-петербургском тюремном замке палача в распоряжение киевского губернатора“.

А градоначальник Зуров, ответил министру Макову следующим, частным письмом:

„Палач еще здесь, но после разных требований, — конечно, не удовлетворенных, — прислал мне письменное заявление, что более не желает продолжать эту деятельность и требует отправления в Москву для дальнейшего поступления с ним по закону. Об этом было представлено генерал-губернатору, который ныне уведомил, что не встречает препятствий к отправлению сего арестанта в Москву.“

Я полагаю, что ему хочется только убраться отсюда, так как семья его в Москве. Куда предположено его отправить? Сообщи.

Если его нельзя будет послать, то можно обратиться в Варшаву. Там есть дилетант.

Посылаю табак. Надеюсь понравится.

А. Зуров“.

В результате „капризничанья“ палача Фролова, начальник главного тюремного управления Галкин-Врасский, 19 января 1880 г. циркулярно предложил всем губернаторам срочно сообщить „при каких тюрьмах состоят палачи“. Истории неизвестны результаты, полученные от этого „учета“ палачей.

Палач Фролов Иван

Палачи вызывались не только для совершения казней над осужденными „преступниками“, а вызывались для обряда казней еще задолго до осуждения человека к смерти. Так, 14 октября 1879 г. киевский генерал-губернатор Чертков „беспокоит“ министра внутренних дел Макова о срочной высылке палача:

„Предвидя совершение смертной казни над политическим преступником Крыжановским, о-рабавшим почту у Каменца, прошу распоряжения о присылке сюда палача к 20-му числу“.

Палач Иван Фролов был отправлен в Киев для казни Никанора Крыжановского, осужденного к смерти за экспроприацию. Палач зря приехал. Суд заменил Крыжановскому казнь каторгой.

Палач вернулся в Петербург. В это время подготавливалась казнь Леона Мирского, осужденного к смертной казни за неудачное покушение на жизнь шефа жандармов генерал-адъютанта Дрентельна. На Смоленском поле уже перевозился эшафот, была заготовлена доска с надписью „государственный преступник“, все было предусмотрено к „нормальному совершению смертной казни“ через повешение, вплоть до вызова палача и все „труды“ оказались напрасными.

Леону Мирскому казнь была заменена бессрочной каторгой в результате подачи им следующего покаянного письма:

„Его высокопревосходительству господину шефу жандармов генерал-адъютанту Дрентельну.

Главным моим преступлением я считаю покушение на вашу жизнь. Искренно прошу перед вами за это прощения. Это—не фальш. Я лгать не умею.

Если вы признаете возможным сделать что-нибудь для меня, то примите мою искреннюю, глубокую благодарность.

С своей стороны я считаю, что от вас и только от вас зависит моя участь.

Побежденный—я прошу пощады.

Дворянин Леон Мирский*.

19 ноября 1879 г.

Еще хлопоты и заботы, тревоги и беспокойства о палаче. Киевский генерал-губернатор (позже министр народного просвещения—Ванновский) 28 февраля 1880 г. телеграфировал министру Макову:

„Политические преступники Богославский, Лозинский, Розовский и Родионов военно-окружным судом приговорены к смертной казни. Мне представлен пока приговор о Богославском. О конфирмации буду своевременно телеграфировать, но предвидя во всяком случае применение казни, прошу распоряжения вашего превосходительства о присылке в Киев палача к 5 марта и разъяснения, следует ли относительно погребения казенных руководствоваться циркуляром вашим от 26 сентября 1879 г. № 98, ибо он отменяется шифрованной депешей 22 октября о Крыжановском.

Генерал-адъютант Ванновский“.

Маков успокоительно заверяет Ванновского:

„Распоряжения о доставлении (палача) сделано. Относительно погребения казенных благоволите не руководствоваться циркуляром № 98, а примените порядок, существовавший на этот предмет до издания циркуляра“.

Однако, палач в Киев не прибыл и генерал Ванновский, встревоженный откладыванием казни Лозинского и Розовского снова телеграфирует министру Макову:

„Палач не прибыл до сего времени. Казнь пришлось отложить на неопределенное время. Прошу распоряжения о скорейшей высылке и уведомления“.

И министр тоже был озадачен неприбытием палача. Маков потребовал от своих подчиненных дать ему точную справку когда и каким поездом выслан палач Фролов в Киев. Получив справку, министр Маков сделал следующую надпись:

„Очень хорошо. Не украли ли его в дороге? Не задержали ли в Москве. Последнее, конечно, вернее; первое же—шутка“.

В годы реакции (1906—1913) в городах, „пораженных“ революцией, потребность в палачах была настолько велика, что одного и того же палача выписывали из одного города в другой.

Вот что по этому поводу пишет Д. Венедиктов в своем очерке „Лисий Нос“—лобное место российской революции¹.

„Самым трудным вопросом был вопрос, откуда достать палача „мастерах дел“. Вопрос о приобретении палача к середине 1907 г. до того обострился в некоторых местах нашей страны, что местные губернаторы принуждены были, за отсутствием на местах палачей, посылать своих доверенных людей в отдаленные губернии в поисках за ними. Казалось бы, в годы жестокого распыления русской революции, когда иногда под флагом экспроприаторов работали организованные банды обыкновенных воров, грабителей и налетчиков, легче всего можно было раздобыть палача среди „вечников“, дарованием ему краткого срока, или среди „смертников“, дарованием им жизни. Однако в эту именно пору все чаще и чаще доносятся в департамент полиции жалобы на нехватку палачей“.

Когда нужно было согласно приговора суда повесить человека и под рукою не оказывалось палача, агенты царя часто становились втупик. Заменять

¹ „На волю из царских тюрем“, сборник воспоминаний 1917—1927 гг. „Прибой“, 1927 г., стр. 192.

Осужденных к повешению даже перевозили этапным порядком в другой город, где имелся палач, либо для совершения казни вызывали палача из другого города, например:

Осужденных в 1907 г. елисаветградским военным судом Соснюка и Деркача вешали в Херсоне. Казнь в Елисаветграде не могла быть совершена за отсутствием палача.

В Воронеже в 1907 г. 4 крестьян Новохоперского уезда, осужденных за участие в аграрном восстании, вешали палачи, привезенные из Москвы.

По поводу присылки для этой казни палачей велись специальные телеграфные переговоры, о чем свидетельствует следующая телеграмма:

„Воронеж. Губернатору. Уведомляю, что 2 палача придут в 3 в среду 2 апреля. Вознаграждения 100 р. за каждого казненного. Градоначальник генерал-майор А д р и а н о в “.

В Пензе в 1907 г. повешен Пчелинцев 17 л. Казнь совершена в 13 верстах от города, в лесу, на перекладине между деревьями. Палач был привезен из Казани.

Еще одна телеграмма:

„Не откажите сделать распоряжение о командировании в город 3-х палачей для исполнения приговора военного суда над восемью крестьянами. Губернатор Б и б и к о в “.

Об отсутствии палачей и требовании таковых из других городов показывают также и следующие документы:

Отношение и. д. эстляндского губернатора на имя петербургского градоначальника от 6 марта 1908 г. за № 1051

“Спешно. Секретно.

„25 минувшего февраля я получил от временного прибалтийского генерал-губернатора предложение от 23 февраля за № 437 следующего содержания:

В виду значительного уменьшения в настоящее время числа лиц, подлежащих смертной казни по приговорам военных судов, а также, чтобы освободить войска от излишних нарядов для расстреливания осужденных преступников, предлагаю вашему превосходительству сделать соответствующее распоряжение для приведения смертных приговоров в исполнение через повешение.

Впредь смертные приговоры через повешение я буду утверждать без замены их расстрелом.

Принимая во внимание, что смертная казнь через повешение согласно статьи 7.963 Уст. угол. суд. исполняется палачем, я, не найдя в Ревеле лица, которое приняло бы на себя обязанности палача, поставленный этим в безвыходное положение в отношении исполнения приведенного распоряжения, просил департамент полиции уведомить меня, может ли быть прислан сюда палач из С.-Петербурга.

В ответ на это я получил уведомление департамента полиции, что сведения о лицах, изъявивших желание принять на себя отправление указанных функций могут быть получены в с.-петербургском градоначальстве.

Вследствие вышеизложенного прошу ваше превосходительство не отказать уведомить меня, не найдется ли во вверенном вам градоначальстве лица, желающего принять на себя обязанности палача, и в утвердительном случае, указать, к кому я должен обратиться с просьбой о высылке его в Ревель ко времени приведения постановленных уже смертных приговоров в исполнение и на каких условиях он примет на себя эти обязанности.

И. д. губернатора Коростовцев“.

На полях отношения пометка крапашем:

„Есть всего 2, но они нам нужны. Третий, письменно доложивший о своем желании, живет в Сухуме“.

Отношение лифляндского губернатора на имя петербургского градоначальника от 15 марта 1908 г., за № 16

„Не имея в своем распоряжении лиц, изъявивших согласие на приведение в исполнение смертных приговоров военных судов „через повешение“, мною

30-0

Место для указания почтовой отметки

КОПИЯ ТЕЛЕГРАММЫ.
29 апреля 1908 г. По ин. телегр. №:

*Прошу выслать забира парокодан-
налога совершения приговора
Ковышеня № 361
Виреня*

Виреня: Каллидан Авдрияков

Судная часть Штаба Олесского военного Округа
Полковник 1 1907-2008
Секретно исходящий № *859*

37-907

*прошу отпустить в
34 отп. по ин. телегр. № 3284*

Ты. Штаб. Олесского военного Округа.

Затребование по телеграфу палача
(Печатается впервые)

было сделано сношение с департаментом полиции, который уведомил меня, что сведения о таких лицах имеются в распоряжении вашего превосходительства.

В виду предстоящей в самом непродолжительном времени надобности в таком лице, прошу ваше превосходительство не отказать в сообщении мне ближайших к сему предмету сведений.

Губернатор (подпись).
Правитель канцелярии (подпись)“.

На отношении пометка:

„17/VIII. Сообщить, что может быть командирован за их счет на условиях немедленного возвращения“.

Ответ петербургского градоначальника на имя лифляндского губернатора от 19 марта 1908 г., за № 3284

В. нужное.
Совершенно секретно.

„Уведомляю ваше превосходительство, что в моем распоряжении имеются два лица, приводящие приговоры в исполнение, из них один мог бы быть командирован за ваш счет, при условии немедленного возвращения обратно

по приведению приговора в исполнение. Условия его найма такие же, как при отправлении его в Ревель, т. е. 25 р. за каждого казненного, проезд туда и обратно и 3 р. в сутки на содержание.

О времени отправления палача сообщить с указанием, каким поездом он должен выехать из С.-Петербурга.

Желательно было впредь делать сношение по настоящему делу условной телеграммой¹.

Справочн **ТЕЛЕГРАММА**

Плата		31. 0.	Передана
за передачу	руб. коп.	Копия	то ч. посылу
за отсылку			прое. м.
и			Передан
итого		30 октября 1907 г. №	
Примеч.			
Разрешить	Число слов	ПОДАНА	Служебная отметка
	м. с. м.	со час. мин. сек.	По воен. обстоят.
СЕВАСТОПОЛЬ			
Главному Командиру			
Желание Ваше сегодня исполнено <i>Б.У.</i>			
Подписал: Баронъ КАУЛЬБАРСЪ			
Верно			
Дежурный офицер Штабсъ-Капитанъ <i>Штеингоф</i>			
37-907			
Ответ на телеграмму о высшем наказании			

Одесский музей „Каторги и ссылки“
(Печатается впервые)

В том же очерке ¹ („Лисий Нос“—лобное место российской революции) Д. Венедиктов рассказывает и о тех мерах, к которым прибегали правительственные агенты и охранники в поисках палачей:

„В случаях, не требовавших отлагательств, когда под рукой палача не находили, для исполнения их обязанностей по приведению в исполнение смертных приговоров через повешение приглашались или просто назначались тюремные надзиратели, жандармские унтера, и очень часто из положения выручали и... „господа офицеры“ русской армии! Так, напр., вполне точно установлено в свое время русской повременной печатью, что во время „победоносного“ шествия по Сибири карательного отряда генерала Ренненкампа—шесть, ознаменовавшегося множеством расстрелянных по суду и без всякого суда—несмотря на самые тщательные поиски палача, такого во всей Сибири не нашли, а между тем смертных приговоров без замены через расстреляние, выносилось так много, что приговоренных генералу Ренненкампу приходилось в ожидании ими смертной казни возить с собою, в своем же поезде, в особом арестантском вагоне.

¹ „На волю из царских тюрем“, стр. 193.

Впрочем, судьба вполне благоприятствовала генералу: исполнителем казни явился... офицер верхнеудинского полка некто Галуб; техническое же частью казней ведал и руководил гвардии офицер из штаба ген. Ренненкампа некто Гулевич".

Нередко обязанности палача брали на себя „любители“. В Варшаве, напр., таких любителей-палачей было не мало: они сами предлагали взять на себя столь „почетные“ для них обязанности палача и при этом настойчиво домогались этой „честь“.

Палачи-любители каждый день являлись в цитадель в масках и спрашивали, нет ли для них работишки? И, в случае надобности в их услугах, они, опять-таки в тех же масках, исполняли свои позорные, добровольно взятые на себя, обязанности заправских палачей... Варшавская газета, которую нельзя заподозрить в революционности, „Курьер польский“, сообщая об этом, добавляла, что заработок этих палачей любителей в те урожайные для них годы, был далеко не мал: по крайней мере на крепостном кладбище, отведенном специально для казненных, уже не хватало свободных мест.

Часто правительство в поисках палачей обращалось даже к печатной публикации в местных газетах. Так, для совершения смертного приговора через удавливание над кавказским террористом Гегшашвили на месте в Тифлисе, „мастера сих дел“ не оказалось, почему и прибегли к помощи газетной публикации в местных „Губернских ведомостях“.

Петербургские полицейские власти разыскивали палачей по селам и деревням Петербургского уезда: петербургский градоначальник обращался к местному губернатору с просьбой „принять не себя распоряжение о найме рабочих для устройства в селищы и копания могильных ям“, а также для приискания палача „в виду перегруженности имевшихся двух палачей“. Губернатор предписал в свою очередь петербургскому исправнику „подыскать среди крестьян его уезда таких, которые пожелали бы взять на себя столь „почетные обязанности“...

Но, как сообщил указанный петербургский исправник в своем ответе на предписание губернатора,

„...среди жителей Петербургского уезда не находится желающих стать на работы по приведению в исполнение смертных приговоров.

Объясняется это невозможностью по условиям сельской жизни сохранить в тайне такого рода занятие“.

Правительство оберегало жизнь палачей и, в целях сохранения палача в неприкосновенности, разрешало им носить вымышленные имена и фамилии. Создавая охранке и полиции много хлопот по сохранению их „инкогнито“, палачи иногда не мало вызывали забот своим бравированием безнаказанности. „Специалисты“-давилыщики знали, что их ремесло нужно правительству, а поэтому не стеснялись в своем поведении.

Однажды присланный из Москвы в Новочеркасск палач напился, устроил дебош и стал грозить применить свое искусство на шее каждого, кто посмеет ему противоречить... Поднялась тревога, начальнику московской охраны от департамента полиции послали 9 февраля 1909 г. специальную „бумагу“:

Секретно.

„Присланный из Москвы в Новочеркасск „для выполнения известной работы“, получив 23 декабря 600 р., в пьяном виде стал стрелять из револьвера на улице и в гостиннице. Затем ночью явился на квартиру полицеймейстера. Вообще этот субъект бравировал своим „исключительным положением“ настолько, что не только чинам полиции, но и многим обывателям стала известна его работа“.

В тех, весьма редких, случаях, когда население узнавало палача, последнему, во избежание расправы над ним, приходилось скрываться и искать „работы“ по своей черной специальности в другом городе.

О сумме оплаты палачу сторговывались заранее, до казни, что видно, напр., из телеграммы от 15 июля 1908 г. на имя московского градоначальника.

„Благоволите прислать в Казань палача. Плата не свыше шестидесяти рублей за человека... Прогоняю особо.“

Управляющий губернией барон Гриневец“.

Деньги за свою „работу“ палачи получали по счету из специальных на это средств, имевшихся в департаменте полиции, который с своей стороны отпускал нужные суммы губернаторам и градоначальникам.

Вопрос об оплате палачам за каждого казненного обстоял в различных местах не одинаково. В Новочеркасске за одного человека палач получал 100 р.; в Москве—50, 25, 10 руб.; в Воронеже—10, 50 р.; в Николаеве—5 руб. и 6 месяцев скидки со срока высижки осужденного палача; в Петербурге—50 руб.; в Киеве—50, 25 руб.; в Одессе—50, 25 руб.; в Екатеринославе—25 руб.

Варшавский вешатель генерал Скалон, ввиду обилия приговоров „к повешению“, оплачиваемых в каждом отдельном случае по 75 рублей за казненного, решил заменять повешение—расстрелом, что по его мнению стоило гораздо дешевле, поскольку солдаты за расстрелы вознаграждения не получали.

Список палачей и их краткие биографии

Андреев Петр Емельянов. Мещанин города Луги, отставной музыкант л.-гв. гренадерского полка. Об утверждении Андреева палачем, согласно его личного ходатайства, хлопотал перед губернатором вице директор департамента полиции, который дал ему следующую характеристику:

„Отставной музыкант лейб-гвардии лужский мещанин Петр Емельянов Андреев обратился в департамент полиции с просьбой об оказании содействия к определению его служителем военно-полевого суда, заявляя, что он согласен на исполнение обязанностей по приведению в исполнение смертных приговоров.“

Сообщая об этом на распоряжение вашего превосходительства, департамент полиции присовокупляет, что по доставленным с.-петербургским охранным отделением сведениям Андреев 23 л. проживает по Наличной ул. в д. № 45, кв. 6 у родственника своего старшего дворника Василия Климентьева, средств к жизни не имеет, работает временно в с.-петербургском порту, поведения трезвого ни в чем предосудительным замечен не был и неблагоприятных в политическом отношении сведений о нем нет.

Вице-директор Виссарионов".

Балибардин Гавриил. Палач г. Николаева и Кубанской области. Уголовный каторжник. Об этом палаче сохранился следующий документ.

КОПИЯ.

Секретно.

М. В.

КАНЦЕЛЯРИЯ
Начальника Кубанской Области

Начальнику Николаевской

№ 2 каторжной тюрьмы.

НАКАЗНАГО АТАМАНА
Кубанскаго
Казачьяго войска.
Отделение I

№ 1249

14 февраля 1913 года.

Екатеринодар.

Препровождаю вместе съ симъ почтовым переводомъ 250 руб. заисключениемъ расходовъ по пересылкѣ, Канцелярія Начальника Области проситъ выдать таковыя арестанту Гавриилу Балибардину за повѣшеніе 5 лицъ и въ полученіи прислать расписку на вску сумму 250 руб. - Подлинное подписали за Правителя Канцеляріи/Подпись не разборчива/ и за Старшаго Помощника. Устичевъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

СПРАВКА: Подлинное отношеніе отослано Судебному Слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ Екатеринодарскаго Окружнаго Суда по его требованію за № 107 отъ 14 августа 1915 г. № 14

Документ, говорящий о том, что Балибардин был палач
(Всеукраинский музей К. Готти и ссылки)

Кроме того, о палаче Балибардине известно следующее¹:

„В 1912 г. в день рождества на рассвете нас повели в церковь. Каторжане выстроились за решеткой к стене, лицом к амвону; отряд вооруженных надзирателей окружил нас. Поп что-то тихо читал; прибыл начальник каторги Колченко. Казалось, что все готово. Но нет. Окруженный шестью надзирателями входит арестант без шапки и кандалов. По тому, как его привели в церковь, и потому, куда его поставили (не за решетками) — это был не обыкновенный каторжанин.

Мы знали, что из карцера и одиночек в церковь не водили. Откуда он? Кто он? Шепотом пронеслась весть: „палач“.

Очевидно его знали. Я впился глазами в бычачью шею палача. Это был здоровенный, широкоплечий детина лет 32, среднего роста, с желтоватым продолговатым лицом, покрытым веснушками, реденькими, рыженькими усами.

В процессе богослужения палач широко крестился, кланяясь до земли. Даже начальник каторги Колченко обратил внимание на палача, вернее на его „кресты“. Кончилось служение, палача вывели из церкви первого, окруженного теми же надзирателями.

Предметом бед в камере в этот день был палач. Он редко появлялся среди арестантов в церкви.

Палач был переведен в Николаев из Одессы после того, как там появился конкурент. Два, три палача в одной тюрьме редко уживались. Между ними происходила постоянная вражда и соперничество на почве „заработка“. В таких случаях палачи рассылались по другим городам, где таковые отсутствовали. В Николаеве долго не могли подыскать необходимого палача; накопилось десятка два смертников, не повешенных только за отсутствием палача. Наконец таковой прибыл. В самой каторжной тюрьме смертная казнь через повешение не приводилась в исполнение, а вешали главным образом в городской тюрьме.

Палач судился по 279-й статье XXII кн. св. воен. постановлений, военным судом за ограбление и убийство двух человек; через три дня после суда, спасая свою жизнь, подал прошение о том, что готов вешать других, лишь бы его самого не повесили. Ходатайство удовлетворили, и казнь была ему заменена 15 годами каторги.

За каждого повешенного он получал бутылку водки, 10 руб. и 6 месяцев скидки со срока каторги. Во избежание самосуда палача содержали в одиночке. Перед казнью являлись городовые, забирая с собой переодетого палача в городскую тюрьму, доставляя его обратно в одиночку после казни.

В начале 1913 г. палача куда-то вывезли из каторжной тюрьмы. Получил ли он новое назначение или, повесив несколько человек, он этим окончил свой срок — осталось для заключенных тайной.

В 1915 г. автор узнал от одной политической каторжанки, что палача, орудовавшего в Николаеве, она встретила в Вильне, в монастыре Марии-Виток (виленская пересыльная тюрьма). Конвойные, охранявшие палача отдельно от других арестантов, прибывших с ним в Вильну из Николаева и других тюрем, с нескрываемым презрением называли его „николаевским ангелом смерти“.

Бражников Евдоким Александрович. Уголовный каторжник. Помещаем его собственноручное прошение:

„В департамент полиции.

Ссыльно-каторжного арестанта, содержащегося в витебской тюрьме Евдокима Александровича Бражникова.

П р о ш е н и е.

Приговором витебского окружного суда от 19 сентября 1913 г., за преступление, предусмотренное 1634, 9, 2 ч, 1459 ст. улож. о наказ. осужден я

¹ Из опубликованных в 1922 г. воспоминаний автора этой книги: „Николаевская № 2 каторжная тюрьма“, изд. николаевского истпарга.

к ссылке в каторжные работы на 10 лет. Содержась в тюрьмах с 1911 г. я во все время пребывания относился хорошо к тюремной администрации и помогал им бороться с кознями арестантов против начальства. Так в 1912 г., содержась в двинской тюрьме, я случайно узнал о заговоре арестантов на жизнь начальника тюрьмы, а именно облить его кислотой. Благодаря моему своевременному сообщению, этот замысел не удался, но вскоре я кем то был выдан, и с тех пор началась для меня адская жизнь. По всем тюрьмам были разосланы мои приметы, и я принужден скрываться по секреткам. Пересылаясь через харьковскую тюрьму, я едва не стал жертвой пересыльных арестантов каторжан, но только благодаря вошедшему для чего то дежурному помощнику я остался жив. Не имея более сил скрываться, прошу департамент полиции о назначении меня палачем в месте заключения, где таковые надобятся. Лышу себя надеждой, что моя просьба не останется без внимания, так как это единственный источник избавления меня от неминуемой гибели.

Евд. Бражников*.

Были использован Бражников как палач, осталось пока невыясненным.

Бузынин. Палач 1906 — 1910 гг., в Москве, при хамовнической полицейской части. Городовой.

Голуб. Сподвижник Реннекампа, офицер, представитель карательной экспедиции и палач Верхнеудинска. Приводил в исполнение смертные приговоры в 1906 г. Судьба его неизвестна. За отсутствием палача он добровольно, бесплатно согласился быть таковым и собственноручно повесил 5 рабочих телеграфистов.

Голынский. Сахалинский палач.

Гончаренко. Георгий Сергеевич. Родился в 1887 г. К моменту подачи им личного ходатайства о желании стать палачем, ему было 23 года.

В сентябре 1908 г. харьковская судебная палата осудила Гончаренко к 4 годам каторги. Судился он впервые „за участие в преступном сообществе“. Происходил из мещан г. Белгорода, Курской губ., знал слесарное дело. Отзывы о нем начальника каторжной тюрьмы „положительные“:

„Во время содержания в орловском исправительном отделении и временной каторжной тюрьме поведения был уд влетворительного“.

* В руке палача кнут весом в 5 ф. К полуаршинной рукоятке приделан круглый ремень, сплетенный из 3-х ремней (каждый в палец толщиной) на середине плети они расходятся и к концам заостряются. При сильном ударе плетью перешивает дюймовую доску. Этой плетью он бил каторжан от 25 до 100 ударов и кроме того Голынский вешал людей, приговоренных к казни на Сахалине.

Палач Голынский¹
(Ц. музей Каторги и ссылки)

Приводим его собственноручное прошение:

„Его высокоблагородию господину начальнику орловского
исправительного арестантского отдел.

Зключенного во вверенной вам
тюрьме один. корпуса ссыльно-ка-
торжн. арестанта Г. С Гончаренко.

П р о ш е н и е.

Ваше высокоблагородие, 12 сентября 1909 г. я был потребован из вверенной вам тюрьмы в Харьков господином судебным следователем для с-тия допроса по открытым мною делам на других арестантов. Во время заключения в харьковской губернской тюрьме я чистосердечно пожелал вступить на должность палача и обратился с просьбой к его высокоблагородию господину тюремному начальнику, прося их высокоблагородие дать мне эту должность. Его высокоблагородие дали мне совет обратиться с этой просьбой к его превосходительству господину тюремному инспектору Харьк. губ. 1 ноября 1909 г. я и имел честь подать на имя его превосходительства господина тюремного инспектора прошение, в котором я изложил свою просьбу и свое желание, но в течение более 2 месяцев я не получил никакого результата на мое прошение, при чем 13 января 1910 г. я вторично обратился к его превосходительству с прошением, прося их дать мне должность палача или ответ на мое прошение; но и на это прошение не последовало никакого ответа, моя же вторичная просьба была выдана надзирателем арестанту, которому я поручил свое прошение. Арестанты же, имея на меня злобу и покушаясь еще в 1908 г. на мою жизнь посредством отравления, от которого меня спасла скорая медицинская помощь, приняли меры уничтожить меня таким же способом; но я был предупрежден служителем, чтобы я не принимал в такой день пищи, и я был спасен. Моих же родителей и мою жену, которые поддерживали меня в нужде, изв. стили, что я подавал прошение на палача и что я буду вешать; мои родители и жена с проклятием отвернулись от меня, но в Харькове меня поддерживало в материальной нужде охранное отделение; отправляясь в орловское исправительное арестантское отделение, я был поэтому под усиленным конвоем. В настоящее же время, ваше высокоблагородие, при таких критических обстоятельствах, не имея никакой возможности выйти из одиночного корпуса для работы, в виду преследования арестантами, я не могу зарабатывать хотя бы на кусок сахара, я всепокорнейше умоляю ваше высокоблагородие дать мне возможность вступить на должность палача не только в Орловской губернии, но и где бы не потребовался палач, я везе готов исполнить взятую на себя должность. Если вы, ваше высокоблагородие не в силах этого дать, я покорнейше прошу ваше высокоблагородие тнестись с вашим великим начальническим ходатайством к высшему начальству о допущении меня на должность палача или дать мне ваш начальнический совет, как мне поступить. Надеюсь, что вы, ваше высокоблагородие, не откажете в моей великой просьбе.

1910 г., мая 2 дня.

Георгий Гончаренко*

Нет никаких оснований не верить этому жуткому человеческому документу, извлеченному Ф. Казмерчаком из архива орловской каторжной тюрьмы. До сих пор оставалось невыясненным был ли Гончаренко использован как палач. Судя по тому, что он судился судебной палатой за участие в „преступном сообществе“,—он принадлежал к одной из революционных группировок. Гончаренко начал с „лягавого“, т. е. с провокатора. Очевидно, провокации ему вначале не удавались и, следовательно, его работа охранным отделением не ценилась.

Гончаренко, предлагая свои услуги палача „всей России“, — немного опоздал. Из дальнейшей статистики казней видно, что эшафотный смерч, когда требовалось много палачей, прошел в 1906, 1907, 1908 гг. И так как в эпоху казней на „спрос“ появилось и „предложение“, то, очевидно, к 1910 г., с общим уменьшением числа казней, палачей оказалось много в резерве

Всего Превосходительству Господина
Тюремному Инспектору Харьков-
ской Губернии.

Р. 222

Отъ содержащегося въ Харьков-
ской Губернской Тюремѣ
Георгія Сергѣева Гончаренко.

Прощеніе

Имѣю честь покорнѣйше просить Ваше
Превосходительство дать мнѣ возможно
скорѣе перевести въ исполненіе приговоре-
нныхъ къ смертной казни по моему
челобитному прошению, а именно,
Ваше Превосходительство не пощади-
те и пощадите на дѣло по пощади
тако, какъ слѣдуетъ тяжкое нака-
заніе. Я умоляю Ваше Превосходи-
тельство не отказать мнѣ сердеч-
ной просьбѣ и назначить мнѣ въ
скоромъ времени въ палачи.

Одновременно покорнейше прошу
Ваше Превосходительство разре-
шить снять с подсудимых новы
наказания, так как и окончить срок не-
пущаго 12 мая с. г.

Надюсь что Вы Ваше Превос-
ходительство не откажете в этой
моей законной просьбе и разрешит
снять с меня оковы.

1-го апреля 1909 года

Георгий Сергеев Гончаренко

Симъ удостоверяю, что прошение это принято въ Конторѣ
Харьковской Губернской тюрьмы отъ арестанта Сергеев

Сергеева Гончаренко
числящагося содержащимъ за Тюрьменнымъ. Отъвѣс-
несенъ Харьков. Губ. Правленіемъ
на обвиненіе по Д. 125 с. 1. Указа. о наказ.

Нарябей 3 дня 1909 года № 5479

Начальникъ Харьковской
Губернской тюрьмы

Великий

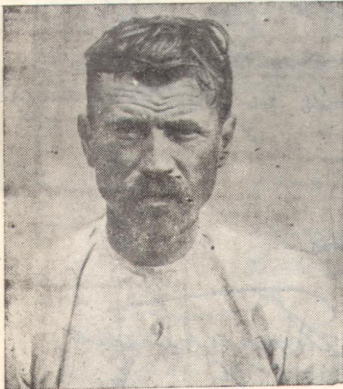
Автограф прошения палача Гончаренко
(Всеукраинский музей Каторги и ссылки)

и цена на них пала. Бесценным, повидимому, оказался и Гон-
чаренко; подав несколько прошений, по его собственным сло-
вам, он ждал ответа несколько месяцев.

Родные и близкие Гончаренко, очевидно, вначале гордив-
шиеся им как „политическим узником“, отвернулись от него,
как от палача.

Харьковское охранное отделение поддерживало Гончаренко деньгами. Исторически установлено, что охранники зря царских рублей не бросали, отсюда можно сделать вывод, что если Гончаренко и не сделал карьеры у эшафота в роли палач-вешателя, то наверняка подвизался в качестве солидного провокатора. По „послужному списку“ видно, что арестанты уже в 1908 году пытались отравить Гончаренко как „лягавого“.

Грудцын. Илларион Михайлович. Палач московской домовнической полицейской части. На эту должность поступил в 1908 г. Советскому суду он признался, что казнил двух по настоянию Жабина. Грудцын был осужден 7 мая 1926 г. к 5 годам строгой изоляции.

Палач Грудцын

Гулевич. Гвардейский офицер из карательной экспедиции Ренненкампа. Технический и ответственный руководитель казнями в 1906 г. в Вернеудинске. Он сам завязывал глаза смертникам, вязал петли на веревках.

Дикарев. Начальник воронежской тюрьмы, он же и палач этой тюрьмы. Заключенных, совершавших ничтожнейшие проступки, Дикарев собственноручно порол, сажал в карцер, лишал пищи, прогулок и передач. Заключенным было известно, что он часто

заменял палача, в частности, собственноручно повесил террористку Федорову, бросившую бомбу в воронежского губернатора весной 1908 г. Свирепость Дикарева, в бытность его тюремщиком, вызвала в тюрьме вооруженную обструкцию, которая была подавлена военным отрядом. 4 заключенных было убито и 1 ранен. Военный отряд помешал Дикареву тут же расстрелять 10 отобранных им „сволочей“ — зачинщиков обструкции — политкаторжан. Дикарев осужден в 1927 г. воронежским губсудом.

Дмитриев Иван. Палач семидесятых и восьмидесятых годов.

Долгошея Петр Семенович. Начальник благовещенской каторжной тюрьмы 1911—1917 гг. Он же добровольно исполнял обязанности вешателя.

Дорменко Иван. Палач в Киеве в 1909 г., уголовный арестант. Отбывал свой срок 8 месяцев в печерском полицейском участке, откуда его выводили для совершения казней через повешение.

По имеющимся документам палач Дорменко, за время своей позорной профессии в Киеве, казнил 10 человек. Совместно с Дорменко для совершения казней в Виннице и в Умани неоднократно выезжал палач Юшков.

Жабин Алексей Сергеевич. Главный московский палач, собственноручно приводивший в исполнение смертные приговоры через повешение в сарае при хамовнической полицейской части. Этот палач, в период черной реакции с 1906 по 1913 гг., повесил около 500 человек в Москве и вне ее.

Жабин родом из Рязанской губернии, Раненбургского уезда. Среднего роста, 53 лет, широкоплечий, узколобый, с прямыми волосами. На суде (май 1926 г.) он произвел впечатление человека „себе на уме“, разыгрывал простачка, совершенно отрицая свое позорное ремесло палача. Давал суду о себе скромные сведения: малограмотный, был рядовым в царской армии, потом поступил в полицейскую часть мушкетером, сам, мол, не вешал, а приезжал для этой цели неизвестный в зеленых очках, худощавый, среднего роста. Этого неизвестный накладывал петлю на голову смертника, а Жабин только привязывал веревку к столбу и выбивал табуретку из-под ног казненного... Дальше: казненного раздевали до нага, клали в гроб и отвозили на кладбище, а он, Жабин, иногда возил казненных сам на кладбище...

Палач Долгошея

Против своей воли Жабин выкладывал суду, всю свою позорную работу в роли палача. Деньги его совершенно не интересовали, уверял он, так как получал жалованье хорошее, да и кроме того, он такой человек, что „никого даже словом не обидит“. Не отказывался вешать потому, что боялся потерять место.

Однажды после казни одной революционерки Жабин снял с повешенной обувь и отправил на родину в подарок своей дочери. 7 мая 1926 г. Жабин был осужден московским губернским судом к расстрелу, с заменой 10 годами строгой изоляции. Весной 1927 г. умер в бутырском допре.

Жекмаки Алексей Иванович. Палач, приводивший в исполнение смертную казнь через повешение в Одессе, Севастополе, Симферополе, Тифлисе и Херсоне с 1906 по 1911 гг.

В 1917 г. в газете „День“ был опубликован документ, составленный палачем Жекмаки, из которого видно, что палач Жекмаки служил с 1900 по 1906 гг. в одесском сыском отделении сыщиком; с 1906 г. по 1912 г. был палачем; после 1912 г. он снова становится сыщиком. Но не поладив с приставом, Жекмаки вовсе отстраняется от „работы“. Палач не унывает и пишет докладную записку бывшему одесскому градоначаль-

нику Нейдгарту (позже сенатору) и просит о заступничестве. Он пишет:

„Я рассчитываю, что польза, которую я принес по розыску преступников и исполнению мною около 300 смертных приговоров через повешение—помогут мне получить место, более обеспечивающее меня. Для совершения казни меня пропускать к месту казни под фамилиями Сидорова и Поликарпова, причем казнил я, налевая на лицо маску и поверх платья черное домино. Как честный и трезвый исполнитель поручений начальства, жду помощи. Прилагаю списки мною казненных в Одессе врагов отечества“.

Вот жуткий список казненных палачем Жекмаки в Одессе: 1906 г. В ноябре — Михаил Корниченко, Владимир Пустовойтов, Моисей Мец, Бетя Шерешевская, Иосиф Брунштейн.

1907 г. Антон Ушаков, Ах Степаньянц, Николай Дадик, Антон Фезер, Антон Демин, Игнатий Егоров, Павел Кулишов, Лейба Зейгерман, Кельман Трейгер, Янкель Трейгер, Абрам Офенбах, Моисей Ваклажан. В апреле — Петр Драгомиров. В августе — Любарский, Бессмennyй, Янкель Шумахер, Захарий Чириков, Федор Баранов, Федор Романенко, Федор Яковлев, Трохим Скрипка. В сентябре — Борух Литвак, Борис Берков, Литвак, Файнклиб. В октябре — Кандзюба Михаил, Филипп Челков, Константин Недорезов, Василий Подвесовский, Петр Федшкин, Андрей Белов, Николай Георгиевский. Ноябрь: — Григорий Агафонов, Трофим Позыч.

1908 г. В январе — Роман Войченко, Сильвестр Черныченко, Константин Хауханович, Трофим Селимовский, Павел Коротков, Минай Непомнящий, Сильвестр Ишук, Елифан Баришевский, Яков Моисеев, Абрам Теплицкий. В феврале — Давид Шульман, Пин-ус Имас, Петр Гринько, Иокам Загорданов, Илларион Ивасенко, Калинин Овчаренко, Иван Козлов. В марте — Меер Лискович, Юрий Крижановский, Сергей Федоров, Игнатий Андриашенко, Осип Куприенко, Александр Цуканов, Григорий Прудкус. В апреле — Давид Миллис, Сафрон Семенов. В мае — Григорий Гнатовский, Павел Половчук. В июне — Андрей Ткаченко, Хаим Айзик Ципкин, Арон Любянский, Владимир Гриневиц, Федор Яковлев, Глинский штабс-капитан, Никитин крестьянин. Июль — Василий Шиянов, Иван Логвин, Федор Пастух, Ареф Просянюк, Петр Гук, Георгий Чхиквишвили, Платон Есакия, Михаил Бондарь, Авксентий Колонтадзе, Александр Ольшанский, Рувим Гельман, Кузьма Петров, Николай Емельянов, Иван Брехунов, Дмитрий Егиев. В августе — Николай Рокитянский, Тимофей Шванюк, Захарий Овчаренко, Давид Бентом. В сентябре — Герасим Бондаренко, Константин Валаруди, Сергей Яровенко. В октябре — Владимир Немировский, Роман Шеховцев, Иосиф Май. В декабре — Панкратий Стерпулло, Евсей Пастух.

1909 г. В феврале — Самуил Васильев, Ефим Васильев, Савен, Левин, Михаил Подмаска. В марте — Гавриил Поляков. В апреле — Иван Лукашов, Максим Волошинов. В августе — Савочкин, Хуна Симановский, Боржиков, Иосиф Лица, Сруль Барон, Станислав Грабовский, Роман Бойко, Яков Козленко, Янкель Козликов. В сентябре — Поганасянц. В ноябре — Архип Яценко, Дмитрий Демченко, Абдул-Мейин-елемен Оглы, Асан-Абиль Таар-Оглы, Люмаш-Муджаб-Оглы, Николай Силаев. В декабре — Альтер-Ибрагим-Оглы, Моисей Рогальский.

1910 г. В январе — Егор Журавлев, Лукьян Саксенов. В марте — Николай Охрименко. Июль — Леснтий Рыбак, Георгий Абрамов, Андрей Дудниченко.

1911 г. В октябре — Вишневский.

Казненные в Севастополе:

В 1907 г. 27 сентября — Бездырев; 8 октября — 2 солдата Брестского полка; 20 октября — Афанасий Матюшенко, 1 ноября — неизвестный; 28 ноября — Корсаков.

1908 г. 2 января — Пальковский, Крахмальный, Богданов, Джемухадзе; 9 января — Кремянский; 9 февраля — Иванов Семен; 5 марта — Бондаренко Митрофан, Маев Александр; 25 апреля — Кучеров; 8 мая — Синьков-Терещенко, Залевский Франц; 9 мая — Иван Иванов, Павел Коноваленко; 21 июля — Николай Колдасан, Владимир Инедашвили, Пеола Годпадзе и Яни Цельдалбе.

Казненные в Симферополе:

1907 г. 13 августа — Михаил Сумарев, Степан Фесков, Алексей Кузьменко, Александра Комарова и Виктор Кушнеров.

1908 г. 8 августа—10 человек за побег из тюрьмы; 3 сентября—8 человек за побег из тюрьмы.

Казненные в Херсоне:

1908 г. 23 ноября—Григорий Швец, Тарас Плотников, Алексей Савченко, Сила Ковтюк, Афанасий Ярошенко, Осип Тарасов и Алексей Бринюк.

1909 г. 21 мая—Терентий Чуйко, Василий Юрченко, Терентий Дьяконов, Иван Красюк“.

Жекмаки выезжал в Тифлис, но об этом подробных документов пока нет.

В первое время Жекмаки за каждого казненного получал 25 рублей, позже 50 рублей.

По документам установлено, что отношение петербургских сановников к отставному одесскому палачу было хорошее.

13 сентября 1913 г. Жекмаки хорошо встретили в департаменте полиции и выдали пособие в 50 рублей. Он посетил Нейдгарта, Белецкого (начальник департамента полиции)—оба в устройстве гонимого палача приняли горячее участие. Нейдгарт предложил Белецкому написать письмо одесскому градоначальнику Сосновскому. Письмо Белецкого кончается так:

„Д. Нейдгарт, принимая особое участие в судьбе Жекмаки и всячески желая помочь ему в его безвыходном положении, оттеняет то обстоятельство, что Жекмаки в смутный период 1906—1908 гг. оказывал нам весьма ценные услуги в деле ликвидации в Одессе судебных приговоров к высшей мере наказания, назначаемых военно-полевым судом“.

Как реагировал одесский градоначальник Сосновский на письмо Белецкого—неизвестно.

Жекмаки жил долгое время в Одессе, был женат, имел трех дочерей. У него было два дома в Одессе и один в Очакове. Сестра палача, будучи замужем за помещиком, порвала связь с братом из-за его ремесла.

Здравствовал палач Жекмаки в Одессе до 15 января 1918 года. Во время уличных боев в Одессе между гайдаками и красногвардейцами, окончившихся победой красногвардейцев, Жекмаки спокойно расхаживал по Одессе. Красногвардейцы узнали его и расстреляли на улице. Некоторое время после расстрела палач лежал в морге. Одесские рабочие, в том числе и автор этой книги, ходили сморгать бывшего душителя. Он лежал на деревянных нарах с наклейкой на груди „одесский палач Жек-

Белецкий

маки". Внешний вид его и одежда—меховое пальто с каракучевым воротником, каракулевая шапка, сапоги—никак не давали предполагать о его гнусном ремесле, и что руками этого „приличного на вид“ мужчины было убито свыше 300 человеческих жизней!

Д. Б. Нейдгарт
Одесский градоначальник 1904-1905 гг. Организатор одесского погрома в октябре 1905 г. Поворотитель палача Жекмаки

У изголовья палача стояла его жена и плакала.

— Ишь, стерва, еще плачет! Не положить ли тебя рядом с твоим кормильцем?—сказал один из матросов.

Женщина тут же убралась из морга и скрылась в толпе.

Иванов Дмитрий. Палач восьмидесятих годов. Уголовный арестант.

Каранфилов. Севастопольский палач, орудовавший в 1906 г. Моряк-боцман своим жестоким отношением доводил многих матросов до самоубийства. Был ими прозван „боцман зверь“. Судился в Севастополе в августе 1926 г.

Клепков. Палач г. Риги. Уголовный арестант. Казнил политсмертников с 1908 по 1910 годы.

В 1910 году отравлен заключенными.

Комлев. Сахалинский палач.

Кругляк Никифор Васильевич. Палач г. Киева. Старший городской Печерской полицейской части. Приводил в исполнение казни через повешение в годы реакции. За каждого казненного Кругляк получал 25 рублей. Сколько он казнил—не установлено, но, повидимому, через его руки прошло не мало жертв. Получая жалование как городской 18 и 25 руб. в месяц, Кругляк за короткое время купил два дома своим посаженным дочерям и один дом для себя за 27 тыс. рублей золотом. Кругляк в деньгах не нуждался. На одной из семейных попок у своей кумы, некоей Лободы, палач подарил ее ребенку 5 руб. золотом и богатые подарки. Недоумевая, Лобода спросила, откуда у него такая щедрость? Палач откровенно ответил: „5 рублей—чепуха! Одного вздернул—вот тебе 25 рублей, четырех вздернул—100 рублей“.

В годы гражданской войны Кругляк неоднократно упоминался в киевской прессе, как палач (в „Свободной мысли“ № 14 от 20 декабря 1918 г.) и все же безответно проживал в собственном доме в Киеве до момента ареста весной 1926 г.

Смертники, ожидавшие казни и каторги, хорошо знали в лицо Кругляка, как палача. В „Косом Копанире“ (где произво-

дились казни через расстреляние и где содержались смертники, ожидавшие казни через повешение) следственными органами отмечена надпись на стене каземата: „Будь проклят, палач Кругляк“.

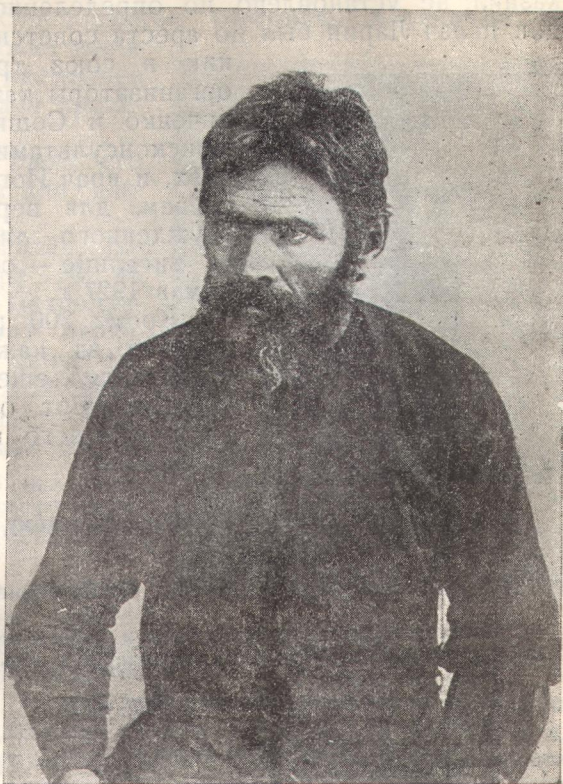
На суде в Киеве он не отрицал того, что был палачем, но старался доказать, что казненные были исключительно уголовные преступники. Выяснилось также, что Кругляк принимал участие во всех киевских погромах.

Крумин И. И. Палач рижской центральной тюрьмы. Служа на зирателем названной тюрьмы, он, вместе со своим начальником, полковником фон-Эрнст и одним из помощников — Лсманом — проявил невероятные жестокости по отношению к политическим заключенным. С особой жестокостью было подавлено восстание в тюрьме 31 марта 1907 г., стоившее жизни 6 человек. Убиты: Лайблак, Кирш, Мурман, Боксберг, Линкис и Шмого, 12 ранено и 10 по суду расстреляно. Этот случай был предметом особого запроса в государственной думе, сделанного 2 апреля 1907 года социал-демократической фракцией. В 1907 г. Крумин собственноручно казнил 10 революционеров. Крумин, Эрнст и Ломан проникли в советские учреждения, где служили до конца 1925 года. 9 апреля 1927 г. по приговору ленинградского губсуда они были расстреляны.

Кулагин Захарий. Палач восьмидесятых годов. Уголовный арестант.

Кучеров. Городовой хамовнической полицейской части (Москва). Палач 1903—1910 гг. осужден советским судом в 1926 г.

Лаврентьев Александр. Палач восьмидесятых годов. Уголовный арестант.

Палач Комлев (Сахалин)
(Центр. музей Каторги и ссылки)

Лагута. Палач гор. Херсона. Повесил в 1907-1908 гг. около пятидесяти человек. Лагута уголовный арестант.

Ларин Василий. Палач г. Владивостока. Сколько он казнил, не установлено, но определенно известно, что в наши дни палач Ларин был до ареста советским служащим и про-ник в союз транспортников. Прямые организаторы казней, прокуроры Колесниченко и Сошкин, которые оказались юрисконсультами в советских учреждениях, и врач Иогансон, который, по его словам, для верности смерти держал осужденного лишние четыре минуты на виселице — осуждены советским судом в 1927 г.

Палач Кучеров

Кроме 300 рублей, которые палач получал за каждого повешенного, он представлял еще специальные счета на расходы. Вот один из сохранившихся до настоящего времени счетов палача В. Ларина.

„Владивостокскому городскому полицейскому управлению.

От В. Ларина 14 сентября 1916 года.

Следует получить за материалы и работы по приведению в исполнение двух смертных военно-судебных приговоров в ночь с 12 на 13 сентября 1916 года.

- 1) За два сеанса 31 р.
- 2) За американскую бичевку 10 р. 35 к.
- 3) За гвозди 2 р. 20 к.
- 4) За доски и бруски 14 р. 45 к.
- 5) За свечи 2 р. 75 к.
- 6) За (неразборчиво) 5 р.
- 7) За два ломовых извозчика 6 р. 20 к.
- 8) За два легковых извозчика 4 р. 50 к.
- 9) За проволоку и перекладные 12 р. 80 к.

Итого 89 р. 25 к.

По сему счету деньги получены сполна В. Ларин.

Ломан. Палач г. Риги, тюремный надзиратель (см. „Крумин“).

Меркулов. Палач Н. - Новгорода и Москвы 1907 — 1909 гг. по профессии птицелов, сошел с ума в 1910 г.

Нагорный Яков. Палач Верхнеудинска при ген. Ренненкампе, в 1905-1906 гг. Уголовный арестант. Судьба его неизвестна.

Неусыхин Павел Алексеевич. Правая рука всех киевских палачей. Состоя в должности старшего городского, он, на протяжении 1905-1906 гг., неизменно сопровождал всех смертников на казнь. На его обязанности лежали заботы приготовить все необходимое для казни. Он был, так сказать, заведующим

хозяйством по эшафоту: отвозил кольца, веревки, гробы, доставлял всех участников казней к месту казни и подбирал все лишнее после казни. Помогал палачу выдергивать скамейку. Кроме того он вел своеобразную торговлю: веревками от повешенных, на чем нажил некоторый капитал. В настоящее время Неусыхин осужден пролетарским судом.

Жена Неусыхина была его помощником, готовила для казненных саваны.

Неизвестный палач, содержащийся в камере № 46 трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Этот палач, очевидно, знал себе цену, диктовал свои условия. Комендант Петропавловской крепости ген. Эллис писал на него жалобы:

„Арестант-палач № 46 мне лично заявил, что, если будет предстоять надобность, то он теперь ни за что не поедет для совершения казней“.

Палач этот был в большом почете, находился под особой тщательной охраной. Он оберегался от крепостного надзора и посторонних самым тщательным образом; его охраняли в самой камере 2 жандармских унтер-офицера, один из них, Журавлев, вел его переписку (палач был неграмотен), ходил в город за покупками для него, сопровождал в качестве личной охраны на место казни и т. д.

Палач гор. Москвы
1906—1910 гг.

Комендант крепости обращал внимание как градоначальника, так и помощника главнокомандующего петербургским военным округом Газенкампа на то, что первая командировка жандармского унтер-офицера Журавлева сопровождалась таким цинизмом и одновременно потворством „номеру сорок шестому“, которая оскорбительна для жандармского унтер-офицера и вообще для военного звания, почему комендант крепости просил ген. Газенкампа, чтобы впредь наряды вывоза из крепости арестанта № 46 и возвращение его в крепость исполнялись исключительно чинами столичной полиции, находящимися в распоряжении градоначальника.

Палач „арестант № 46“ в начале 1907 г. ходатайствовал перед градоначальником и перед главным тюремным управлением о переводе его из крепости в одну из тюрем; он категорически отказался исполнять палаческие обязанности, находясь в крепости.

По этому поводу началась целая переписка:

„Исполняющему должность с. - петербургского градоначальника.

Препровождая два прошения арестанта под № 46, из которых одно на имя вашего превосходительства и другое на имя начальника главного тюремного управления, прошу меня уведомить, имеется ли предположение о переводе арестанта под № 46 в одну из просимых им тюрем, и если имеется, то когда именно перевод его может быть осуществлен и будет ли арестант за его собственный счет переведен под особым конвоем.

Палач гор. Москвы
1906—1910 гг

С своей стороны нахожу, что дальнейшее содержание означенного арестанта в крепости, отказавшегося от исполнения возложенных на него обязанностей, я нахожу бесполезным и не подлежащим содержанию в крепости.

Комендант, генерал от инфантерии Эллис“.

Платили этому палачу гораздо больше, чем другим. В то время когда многие палачи получали от 10 до 50 р., палач „№ 46“ получал по 100 р. за каждого повешенного.

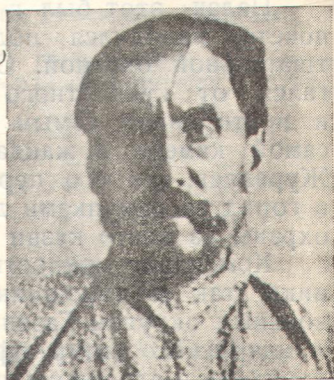
2 декабря 1906 г. ад’ютантом петербургского жандармского управления была представлена петербургскому градоначальнику, ген. Драчевскому, служебная записка за № 30717:

„Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что „арестанту № 46“ причитается сто (100) рублей за приведение в исполнение на „Лисьем Носу“ в ночь на сие число смертного приговора над преступником“¹.

Неизвестный палач под кличкой „Иван“. Этот палач из городских, орудовал в Казани в период 1905-1906 гг. Казнил 15 чел. Одной из его заслуг было то, что он получил анонимное письмо с угрозой, что если не оставит своей позорной профессии — его пристрелят. Очевидно это письмо имело на него влияние: после получения письма палач застрелился.

„Неизвестный“. Также кличка одного из киевских палачей, орудовавшего между 1908-1909 гг.; казнил одного человека. Стал палачем в тюрьме в период отбывания им наказания арестантских исправительных отделений за уголовное дело. Кто этот „неизвестный“, пока не выяснено.

Первый неизвестный палач г. Екатеринослава. В Екатеринославе из-за отсутствия палача несколько раз от-

Палач гор. Москвы
1906—1910 гг.

¹ Казнен был Михаил Соколов („Медведь“). См. разд. „Казненные с 1826 по 1917 гг.“.

кладывалось исполнение смертной казни. В 1907 г. палач нашелся. В одной из камер данной тюрьмы уголовные избивали арестанта. Потерпевший попросил тюремщиков изолировать его от общей камеры. Такие случаи в тюрьмах бывали часто, и для этой цели в каждой тюрьме имелась изолированная камера, носившая специфическое название: „сучья камера“. Тюремный жаргон определял „сукой“ арестанта, провинившегося перед арестантами, провокатора, доносчика, сыщика, агента, охранника.

Избитого арестанта перевели в „сучий куток“. Обдумывая план мести и зная, что в палаче ощущается нужда, он изъявил желание стать палачем. Его в этой роли утвердили. За каждого повешенного он получал 25 р. и несколько месяцев скидки со срока высылки. Перед казнью его поили водкой. Благодаря огромному количеству смертников он быстро окончил свой срок и в 1908 г. вышел из тюрьмы.

На воле палач пробыл недолго, совершил ряд грабежей и убийств, после которых его самого приговорили к казни. Палач снова предложил свои услуги вешателя, и ходатайство его было удовлетворено. Но в это время из Польши был переведен в Екатеринослав еще второй неизвестный палач. „Работа“ и заработок стали делиться на двух палачей.

Второй неизвестный палач г. Екатеринослава. Невысокого роста, широкоплечий. Долго в тюрьме не знали, что этот молодой, безусый парень — палач. Находясь в общем корпусе тюрьмы, он ходил „вооруженный“ палкой или камнем, словно опасаясь ежеминутного нападения. Его прошлое: бывший смертник, служил в охранном отделении, совершал грабежи; военным судом был приговорен к казни с заменой каторгой без срока, которую „отрабатывал“ казнями.

Третий неизвестный палач г. Екатеринослава. Находясь среди арестантов, он одно время состоял уборщиком следственного коридора. Раздавал заключенным кипяток, хлеб, обед, воду. Заключенные не подозревали, что их обслуживает палач. Когда в тюрьме стало известно, что коридорный уборщик не кто иной как палач, уже повесивший 6 человек, он стал оправдываться перед заключенными, писал им в записках, что, мол, он тоже „сознательный“ и палачем не состоит, а только иногда помогал по глупости сысному отделению, сидит в тюрьме за краденые вещи и пр. Однако версия, что он палач, подтвердилась, и его тоже быстро убрали из общего корпуса и поместили в одной камере с предыдущими двумя палачами.

На почве „труда“ и „заработка“ между тремя палачами часто происходили ссоры и драки. Каждому палачу хотелось побольше „заработать“, и тогда палач из уборщиков вошел в соглашение с палачем из Польши, и им удалось оттеснить первого палача — тот остался „без работы“. Неудача до того повлияла на первого, что он на глазах своих соперников повесился. Судьба других двух палачей неизвестна.

Нефедов. Палач 1906 - 1910 гг. Хамовнической полицейской части. Городовой.

Никифоров Иван Петрович. Палач г. Саратова, из городских. Орудовал с 1907 по 1909 гг. Повесил 12 человек. В 1909 г. зарезан около своей квартиры неизвестным. Кто-то отомстил палачу.

Новоселов Герасим. Палач семидесятых годов. Казнил Дубровина и А. Соловьева в 1879 г.

Пелевин Александр Фадеевич. 12 мая 1907 г. подал следующее заявление:

„Его превосходительству господину прокурору петербургского военно - окружного суда.

Имею честь всепокорнейше просить ваше превосходительство не отказать мне в исполнении приговора военно - окружного суда над лицами, кои будут приговорены к смертной казни.

Пелевин“.

На заявлении приписка:

„Справку обо мне можно получить у г. начальника петербургского жандармского полицейского отделения Северных жел. дорог штабс - капитана Львова“.

Этот палач происходит из крестьян Ярославской губ., Ростовского у., Борисовской вол., с. Кузнечихи.

В просьбе стать палачем ему было отказано, несмотря на его близость к петербургской жандармерии. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Поликарпов. Прямой помощник и заместитель одесского палача Жекмаки. Последний часто выезжал в другие города и в это время Поликарпов заменял Жекмаки. Поликарпов исполнял две должности: старшего городского резерва одесской полиции и палача. Поликарпов осужден пролетарским судом.

Простотин. Палач гор. Екатеринослава 1906—1909 гг. Уголовный арестант, повесил в Екатеринославе 130 человек.

Розеткин Зиновий. Палач 70-х годов.

Сабинин. Палач Ростова - на - Дону. Из уголовных арестантов. Орудовал в 1908—1910 гг. Находясь в „сучьем кутке“, подвергался насмешкам со стороны арестантов, которым решил мстить. Подал ходатайство о разрешении стать палачем. Разрешили. Судьба его неизвестна.

Сейн Фома. Палач из уголовных каторжан. Убийца 8 человек. Орудовал в Петербурге и на „Лисьем Носу“. Палаческую деятельность начал с января 1907 г.

Состоял на жаловании, получая 200 руб. в месяц, пайковое тюремное (бесплатное) довольствие и ежедневно бутылку водки. Летом перед казнью его откармливали арбузами и водкой.

Соловьев. Старший надзиратель казанской губернской тюрьмы, состоял одновременно и палачем в той же тюрьме в период 1907 - 1908 гг.

Солодов Григорий. Харьковский гимназист, осужденный в каторгу за ряд грабежей. В 1909 г. подал прошение о желании стать палачем. Неизвестно, была ли удовлетворена его просьба, но о его стремлении стать палачем в 1909 г. сообщалось в нелегальной прессе. Судьба его неизвестна.

Сонин-Санин Василий Васильевич. Палач, присланный из Петербурга в Киев для совершения казней в 1908 г., из охранников.

Исполнив одну казнь и не поладив с местным полицеймейстером, он выехал из Киева.

Суваловский Степан. Палач 70-х годов. Казнил В. Д. Дубровина и А. Соловьева

Торопов. Председатель московского отдела „союза русского народа“. Повесил в сентябре 1906 г. террориста Владимира Мазурина.

Трещенков. Палач в Сормове, казнивший там 80 рабочих в 1907 г. В 1912 г. 4 апреля этот палач руководил расстрелом 300 рабочих на Ленских золотых приисках. В 1905—06 гг. Трещенков состоял в Киеве охранником.

Филипьев Александр Иванович. Палач, орудовавший главным образом в Шлиссельбургской крепости, где его руками казнены: Каляев, Коноплинникова, Гершкович и многие другие. В качестве палача он выступил в 1902—1906 гг. Офицер и уголовный арестант. В 1902 г. он казнил Лекерта в Вильно.

Филипьев Николай. Палач, приводивший в исполнение смертные приговоры к повешению в тифлисской и владикавказской тюрьмах.

Он отбывал наказание за грязное уголовное дело и стал палачем.

В 1910 г., следуя этапным порядком из владикавказской тюрьмы в тифлискую, для совершения там казни, он остановился по дороге в тюрьме г. Петровска до следующего этапа.

Как палача, во избежание мести со стороны заключенных, его поместили при конторе тюрьмы. Он был хорошо известен по Кавказу, и имя его не сходило с уст многих бывших смертников и ожидавших казни. Заключенные случайно узнали, что палач Филипьев в тюрьме и что его укрывают в конторе. Заключенные одной камеры решили мстить. Охотников мстителей нашлось чрезвычайно много. Наконец, выполнить тяжелую рискованную задачу взяли на себя: Аджи-Баба, перс, осужденный к 15 годам каторги, и дагестанец — Астрахан.

Под вечер обоим мстителям удалось проникнуть в контору тюрьмы. Палач дремал.

— Проснись, палач, — громко крикнул Астрахан. Палач открыл глаза.

— Смерть пришла, продажная шкура!

И ножевыми ударами в разные части тела Астрахан и Аджи-Баба зарезали палача.

Фремель Ричард¹. Германский подданный Ричард Фремель, проживавший в Лодзи, состоял явным агентом и секретным сотрудником лодзинского жандармского управления, затем отправлял обязанности палача г. Лодзи и напоследок своей карьеры служил даже в контрразведывательном отделении штаба варшавского военного округа.

К концу 1909 г. Фремель оказался в бедственном положении. Профессия его была известна, обыватели Лодзи в ужасе сторонились от него, а жандармские начальники, выжав из него все соки и не находя приложения силам своего верного слуги, сочли возможным лишить его всякой поддержки. Фремель решил искать правды и жаловаться по начальству.

В декабре 1909 г. он обратился с прошением к директору департамента полиции Н. П. Зуеву. Прошение это, написанное ломаным русским языком, представляет документ столь замечательный и своеобразный, что мы считаем нужным воспроизвести его, с сохранением подлинника:

„Честь имею донести ваше превосходительству о моем положении, которое мне встретило по долгой службе в г. Лодзи. 1907 г. мне подозревали, как шпиона, а так как брат мой Август Фремель был членом одной революционной партии и я ему объяснил, что мне хочут убить, то мы между собой уговорились ити начальнику жандармского управления и отдать свои прислуги; что мы знали, все заявили начальнику жандармского управления подполковнику Глобачеву, который нас принял, как явных агентов. Мы ходили с патрулем и арестовали всех нам знакомых революционеров. Революционерам мы очень мешали в работах, то они постановили мне и брата моего каким-либо способом убить или отравить; в 1907 г. нами было получено сведение, что сделана засада и должны нас обязательно убить, но где засада и на какой улице, неизвестно было; и мы вышли в город и мне удалось забрать революционерам 8 браунингов и около 300 пуль. Покушение им не удалось, то они постановили бросить под нас бомбу, которую в месяце мае 1907 г. бросили на Константиновской улице около дома 43, от которой брат мой получил 86 ран, а я получил грижу в большом размере и перепонки в носу полопали, на которые я до сегодняшнего дня болею, но брат мой скоро выздоровел, и мы дальше работали.

Потом мы были командированы из г. Лодзи в г. Варшаву, где мы были 1 месяц, и обратно в г. Лодзь откомандированы. Там мы были до месяца августа и оттуда брат мой поехал в Варшаву, а я в г. Ригу, но в Риге не было вакансии, то я был командирован в г. Ченстохов, где я прожил 3 месяца, а брат мой поехал из г. Варшавы в г. Лодзь по своим делам, где был убит революционерами на Петровской улице 13-ю пулями, но мне они не могли достать в свои руки, то они постановили убить дядю моего, который содержал ресторан на углу Дзельной и Бидзевской, Иосифа Фремеля; то они думали, что я приеду на похорон, то имела быть брошена бомба и так устроено, что я уж бы им не ушел, но я получил сведение и не пошел на похорон.

На фабрике Штильда в г. Лодзи нами была забрана казенная винтовка, которая была забрана убитому казаку, и две уланские шашки и два японские штыки, а боевик, которому принадлежала все оружие, был убит нами на Мильша улице в г. Лодзи.

Из г. Ченстохова я уволился и выехал в Германию явиться к воинской повинности, но так как ранен от брошенной бомбы под меня, я был потому уволен, но делать за границей не было что, то я обратно выехал в г. Лодзь, там я встретил свой товарищей, которые служили, как агенты жандармского управ-

¹ В книге „На волю из царских тюрем“, стр. 196 палач [Фремель неверно назван — „Френкель“.

ления; они мне пригласили ити с ними на обыск в кофейную Божинского по Огородной улице, № 15; кофейная та была нам известна, как сборный пункт боевиков; мы зашли и начали обыск, но результата не было, мы вышли и отправились в другую кофейную. Божинский не знал, как огомтить, что мы у него часто делаем обыски, подговорил каких-то людей, что были агенты и требовали денег, о том он заявил начальнику сыского отделения и мы были арестованы 11 ноября 1907 г.; просидели 1 год и были оправданы петроковским окружным судом.

В течение моего ареста в г. Лодзи начали судить военным судом, то мне было предложено принять должность палача, на которое я согласился, потому что, если я знаю, что я могу принести пользу правительству, то я на все соглашусь, я исполнял должность палача 1 год, так долго, как было нужно в г. Лодзи, но хоть я был палачом и арестован, но в тюрьме работал так, как агент, между арестантами, и вскрывал очень много дел, 12 дел; которые были совершены бандитам Александром Влоцанским, за которые было назначено наградных 4 тыс. руб., он сознался до меня все, то я донес об делах начальнику жандармского управления, но наградные получили люди, которые даже об делах Влоцанского не знали.

За всю службу я теперь остался без куска хлеба, и без квартиры со своей женой, не могу я получить должности для того, что люди говорят, раньше вешал людей, а теперь приходит до нас и даже есть люди, которые находятся казенных службах, которые должны считать мне за товарищи и они закладывают против меня.

1909 г. октября месяца я ездил за границу, думал найти там какое-либо спасение, прожил я 2 месяца и не мог найти никакой должности. Одного дня был прислан городской с распоряжением полицеймейстера г. Катовиц, чтобы я уезжал, куда мне только угодно, для того что весь народ против меня зато, что я был палачом в России, а теперь приехал в Германию есть хлеб, а если не уеду, то полиция не будет отвечать, если мне убиют или ранят; тогда мне больше не осталось только уезжать в Россию.

Я поехал в г. Москву, — там я шатался 2 недели и не мог получить никакой должности, а теперь я приехал в г. Варшаву, где сижу без куска хлеба и без занятий. Сим не знаю, что делать больше не осталось, только себя и своей жены лишить жизни, потому что я описан во всех легальных и нелегальных газетах по России и за границей, и теперь я приехал в варшавское охранное отделение полковнику Заварзину и просил какого-либо занятия, было мне сказано принести письмо от своего начальника, я поехал в г. Лодзь и привез письмо от полковника Глобачева и отдал полковнику Заварзину и получил ответ, чтобы разыскать себе какое место и сослаться на полковника Заварзина. Я ездил и искал, но ничего не могу найти и написал я прошение полковнику Заварзину, чтобы хоть принял каким-либо писцом, потому что пишу и говорю на трех языках. На поданное прошение я получил ответ чтобы привезти письмо от временного генерал-губернатора Козакова, которому я подчинился палачом.

Полковник Заварзин посылает от одного начальника до другого, а ездить из одного города в другой, на то нужны деньги, а у меня их нет на хлеб, а не на железные дороги, я иначе не могу себя представить только наше начальство хочет, что мы из бывших агентов и палача сделали бандитами и разбойниками, для того, что раньше бандитов и боевиков мы вывели и успокоили всю революцию, а теперь можем мы принять ихние должности.

Честь имею всепокорнейше просить Ваше высокопревосходительство войти в положение погибшего человека и помочь каким пособием, как раненый от бомбы, потому что иначе больше не осталось как лишить себя и свою жену жизни, потому что я со своей женой живу у чужих людей, у которых тоже много не имеется. Я думаю, что ваше высокоблагородие сами не допустят до того, чтобы я себя лишил жизни и сделал такую радость революционерам, для того что они все говорят, что люди, которые приносят пользу правительству во время революций, то потом все равно должны прийти просить милости у революционеров, т. к. и мне приходится теперь делать.

При чем присылаю ваше высокопревосходительству список повешенных мною в г. Лодзи с 28 февраля 1908 года по 10 марта 1909 года и список го-

родов, где я искал должности, и при чем письмо от полковника Глобачева полковника Заварина.

Честь имею всепокорнейше просить Ваше высокопревосходительство, не найдете ли возможным устроить мне в г. Варшаве, в охранное или же в сыскное отделение, потому, что я себя считаю способным на этих службах и получить паспорт под чужой фамилией, а теперь я хожу без оружия и без охраны, так что могут на каждом шагу убить или напасть.

Честь имею всепокорнейше просить Ваше высокопревосходительство не отказать моей просьбе и выслать мне какой-либо ответ, а если возможно, какое пособие, потому что я только могу жить без занятия в г. Варшаве до 6 декабря 1909 г., а потому уже не за что где жить. До сих пор я продавал все свои вещи и постель, а теперь уже нечего продавать.

Всегда готовый к вашему услугам, Ваш слуга бывший агент и палач Ричард Фремель. Подписал собственноручно.

Конфискованное мною оружие:

- 1) 8 браунингов и 300 пуль в кофейной по Завадской улице, № 6.
- 2) 1 браунинг у боевика на фабрике Бушеля по Законной улице.
- 3) 1 браунинг у боевика на Петроковской улице при обходе.
- 4) 1 кинжал у боевика по Пфейфера улице.
- 5) 1 казенная винтовка, 2 уланские шашки, 2 японских штыка, на фабрике Штильда, по Лранской улице, а боевик, которому принадлежало оружие убит нами на Мильша улице.
- 6) 1 револьвер Бульдог у боевика в Лагевницком лесу. И кроме того очень много боевиков и бандитов, которые по моему и брату указанию были переданы военному суду и были приговорены к смертной казни.

Искал я должности в городах: 1) г. Сосновцы, 2) Ченстохов, 3) Петроков, 4) Кельцы, 5) Радом, 6) г. Москва, 7) Белосток, 8) Варшава, 9) Калиш, 10) Лодзь.

Список повешенных мною:

- 1) Пилярек, 2) Кухарский, 3) Бартосяк, 4) Тренкель, 5) Ян, 6) Козловский, 7) Борецкий, 8) Мольке, 9) Шатовский, 10) Неизвестной фамилии, 11) Саторийус, 12) Пехеш, 13) Страшак, 14) Неизвестной фамилии, 15) Колдунский, 16) Новик, 17) Вальчак, 18) Косприжак, 19) Чехановский, 20) Ольшер, 21) Вольшанский, 22) Ныва, 23) Олесенкевич, 24) Стражала, 25) Новицкий, 26) Гралак, 27) Банашкевич, 28) Бундл-р, 29) Печекай, 30) Глушковский, 31) Зайонц, 32) Гавевский, 33) Келянский, 34) Васяк, 35) Лацушка, 36) Вихорский, 37) Ольчик, 38) Кельнинский, 39) Фелисяк, 40) Клят, 41) Витковский, 42) Войцеховский, 43) Сверчинский, 44) Неизвестной фамилии, 45) Вечорек, 46) Разванский, 47) Пердек, 48) Рыбицкий, 49) Неизвестной фамилии, 50) Вечорек, 51) Башик, 52) Габрисак, 53) Гржанка, 54) Лучак, 55) Колай, 56) Згерский, 57) Мот, 58) Кубак, 59) Муха, 60) Пель, 61) Лесневский, 62) Бонк, 63) Пижгальский, 64) Стасяк, 65) Зомчинский, 66) Влодарчик, 67) Формальский, 68) Тимчак, 69) Топольский, 70) Глыдзяк, 71) Жиховский, 72) Поковский, 73) Буковский, 74) Стемпель, 75) Васильевский, 76) Стемпель, 77) Пырек, 78) Радзеевский, 79) Генкель, 80) Собчинский, 81) Доливка, 82) Осинский, 83) Педа, 84) Покоевик, 85) Франк, 86) Микелайчик, 87) Ботке, 88) Томозевский, 89) Вольский, 90) Шиманский, 91) Кубера, 92) Круликовский, 93) Штейнке, 94) Ханц, 95) Филипчак, 96) Бернарен, 97) Павловский, 98) Баранский, 99) Гайдук, 100) Минтус, 101) Соколовский.

На этом обрывается документ палача Фремеля. Какова была его дальнейшая судьба, пока материалов не имеется.

Фролов Григорий Лукич. Палач московской хамовнической полицейской части, прямой помощник Жабина. Родом из Рязанской губ., Данковского у., дер. Катараево. На суде (май 1926 г.) Фролов, давая показания, откровенно рассказал во что

расценивались одна или несколько казненных голов: „Если казнили одного человека — платили 100 руб., если много человек — платили с каждой головы 25 руб.“ Палачем Фролов состоял на протяжении 4 лет. Осужден одновременно с палачем Жабиным к расстрелу с заменой 10 годами строгой изоляции.

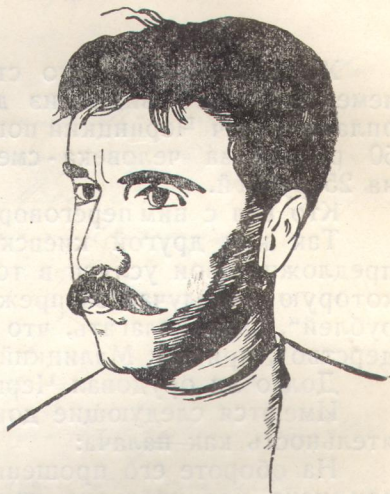
Фролов Иван. Палач семидесятых и восьмидесятых годов. Казнил „первомартовцев“ осужденных к казни за убийство царя Александра II (Желябова, Перовскую, Михайлова, Кибальчича и Рысакова) и других главным образом „народовольцев“.

Хелидов. Палач Екатеринбург.

В марте 1909 г. в екатеринбургскую консултацию присяжных поверенных явился за советом крестьянин Карабальской волости Хелидов, служивший палачем при екатеринбургской тюрьме.

По его словам, ему было обещано платить за каждого казненного 10 руб., он повесил 16 чел. и получил не 160 руб., а только 100 руб. и поэтому желал бы „предъявить иск“. Из консултации его выгнали.

Черницкий Алексей Константинович. Киевский палач. В киевских архивах, по канцелярии киевского губернатора, дело № 150, хранится следующий документ:

Палач Фролов Г. Л.

„Его высокоблагородию, господину начальнику киевской губ. тюрьмы

Содержащегося в Киевской губернской тюрьме Алексея Константиновича Черницкого, осужденного приговором киевского окружного суда от 8 января с. г. в исправительное арестантское отделение на 1 год и 6 месяцев.

Прошение.

Имею желание исполнять обязанность (должность) палача для приведения в исполнение приговоров военно окружных судов, совершать казни над осужденными посредством повешения, о таком моем желании прошу Ваше высокоблагородие довести до сведения его превосходительства, господина киевского губернатора и г. прокурора киевского окружного суда, для той надобности, что в случае понадобится кого-нибудь казнить через повешение, то назначить меня совершить эту казнь.

Января 12 дня 1907 г.

Алексей Черницкий.

Вознаграждение за каждую совершенную казнь, т. е. за каждого человека повешенного мною, желаю получить по 50 рублей. Мне известно, что от наказания за совершенное мною преступление я не освобождаюсь и должен присужденное наказание отбыть и, где бы я для отбытия того наказания не был помещен, должен мириться и никаких претензий заявлять не буду.

Алексей Черницкий*.

Желание Черницкого стать палачем было удовлетворено немедленно, что видно из дальнейших документов. В размере оплаты палач Черницкий пошел на уступки. Требуя в заявлении 50 рублей за человека-смертника, он потом счет предъявлял на 25 рублей.

Кто вел с ним переговоры о плате за казни, не установлено.

Так как другой киевский палач Юшков был сговорчивее, предложив свои услуги в том же году: „с платой по той цене, которую я получал за прежние приговоры — по двадцать пять рублей“, надо полагать, что Черницкого „присыдил“ „за мародерство“, пристав Малицкий.

Долго ли орудовал Черницкий, — точных данных нет.

Имеются следующие документы, подтверждающие его деятельность как палача:

На обороте его прошения (вмещенного на стр. 149) имеется приписка полицейского пристава Малицкого (о котором речь будет ниже):

„Настоящее прошение написано в присутствии моем в дежурной комнате.

Дежурный околоточный надзиратель (подпись).

Прощение это представляю его высокоблагородию товарищу прокурора, наблюдающему за местами заключения г. Киева.

31 января 1907 г.

Пристав печерского полиц. г. Киева участка Малицкий*.

М. Ю.

Киевский губернский
тюремный инспектор.

Секретно.

Февраля 6 дня 1907 г.

№ 20, г. Киев

Г. правителю канцелярии киевского губернатора.

Имею честь препроводить вашему высокоблагородию прошение Алексея Черницкого с резолюцией г. управляющего губернией о выдаче просителю 25 рублей из сыских сумм.

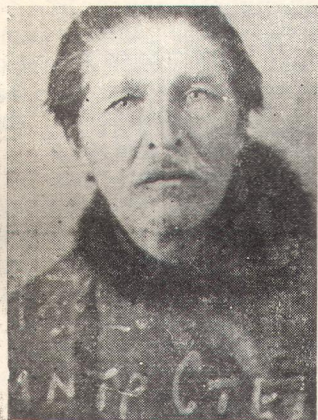
Губернский тюремный инспектор (подпись).

Секретарь при инспекторе (подпись).

Чистяков Василий. Палач 70-х годов.

Чугунов Дмитрий Степанович. Смотритель арестного дома при хамовнической полицейской части Москвы и организатор „давилки“.

С 1898 по 1906 г. Чугунов служил в охранном отделении, давая сведения о революционных настроениях студентов меже-

Палач Чугунов

вого института и рабочих фабрик Рейнгардта, Сапожникова и Лентичникова. С занятием должности смотрителя арестного дома хамовнической полицейской части, Чугунов взял на себя всю работу по оборудованию виселицы и по организации казней. В качестве палача Чугунов привлек мушкетеров арестного дома: Жабина, Фролова и Грудцина.

Деньги палачам Чугунов выплачивал в секретном порядке, получая их от московской охранки.

Сколько получал сам Чугунов осталось тайной.

В обязанности Чугунова, как распорядителя при казнях, входило: приготовить сарай со всеми принадлежностями, озаботиться, чтобы палачи были

пьяны вмеру (не более полбутылки на палача), распорядиться об отправке трупов на Ваганьковское кладбище, расчет с палачами.

Чугунов судился одновременно с палачами: Жабиным, Фроловым и Грудциным в мае 1926 г. и был приговорен к расстрелу с заменой 10 г. строгой изоляции.

Юзвяк Иосиф. Палач восьмидесятых годов. Уголовный арестант.

Юшков Гавриил Трофимович. Главный киевский палач 1906—1916 г.г. Орудовал в Киеве и в др. городах на протяжении десяти лет.

Долго после революции был неуловим благодаря своему бродячему образу жизни. Некоторые жители г. Киева, знавшие Юшкова, сами неоднократно пытались его задержать, но неудачно. Наконец кем то было сообщено, что палач Юшков мертвецки пьяный валяется на базаре „Бессарабка“, там он был и задержан.

Юшков уверял следственные органы (в 1927 г.), что стал палачем благодаря уговору полицеймейстера Горностаева, когда был арестован за кражу.

Сколько казнил Юшков, не установлено, но выяснилось, что палач действовал в Киеве с 1906 г. по 1907 г., затем был отправлен в 1908 г. в Ярославль „подрботать“. Вернувшись в 1911 г. он снова приступил к исполнению должности палача

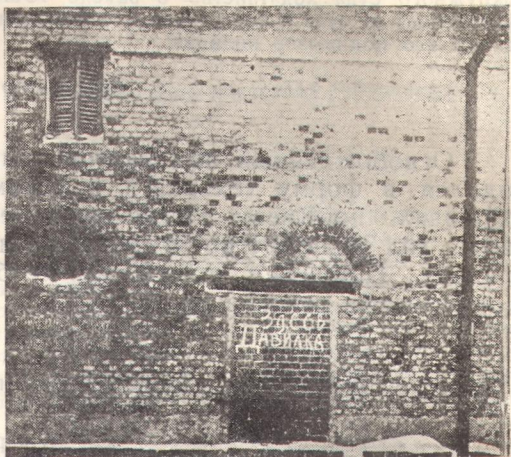
в Киеве и казнил (по его словам) не более 6 человек. Затем следует „передышка“ до 1913 г., после которой он снова исполнил роль палача до 1916 г.

Юшков содержался в киевской тюрьме как уголовный арестант еще в 1916 г.

С момента принятия им должности палача администрация тюрьмы изолировала его от общей массы заключенных, поместив временно при конторе тюрьмы.

В тюрьме быстро узнали, что арестант Юшков стал палачем; группа заключенных готовилась ему мстить.

Попытка мести произошла в сентябре 1906 г.

Хамовническая „давилка“

Выписка из дела № 528 за 1906 г. канцелярии киевского
подольского и волынского генерал-губернатора

М. В. Д.

Секретно.

Губернатор по тюремному
отделению

Сентября 20 дня 1906 г.

Киевскому, подольскому и волынскому
генерал-губернатору

№ 227, г. Киев.

Имею честь представить вашему высокопревосходительству, что содержащийся в киевской тюрьме, по постановлению судебного следователя 11 участка г. Киева по обвинении в преступлении, предусмотренном 2 ч. 1665 ст. Ул. о нак. и числящийся содержанием за киевским окружным судом арестант Гавриил Юшков, после совершенной им в ночь с 18 на 19 сего сентября казни через повешение Рудановского, Пиневича и Прокофьева, временно содержался в конторе киевской тюрьмы, впредь до выяснения возбужденного начальником киевской тюрьмы вопроса, куда можно будет поместить Юшкова, чтобы изолировать его от арестантов. Находясь в конторе тюрьмы, Юшков зашел за чайником в соседнее с конторой тюрьмы помещение, где раньше была школа, а в настоящее время работают арестанты - портные, занятые постройкой одежды для местных арестантов; в это время на Юшкова набросились арестанты, из них Горбачев и Слуцкий нанесли ему ножом и ножницами 6 колотых ран в область головы и груди, а остальные арестанты держали двери, чтобы Юшков, вырвавшись от наносивших ему побои, не имел возможности уйти. Крик Юшкова был услышан надзирателем Варфоломеевым, который, отворив двери силою, освободил арестанта Юшкова от дальнейшего нанесения ему побоев и вывел его в контору тюрьмы; немедленно тюремным фельдшером были сделаны перевязки Юшкова, а затем он был отправлен в Кирилловскую больницу, но в последней не был принят, т. к., по заключению врача, раны найдены поверхностными, и Юшков

признан неподлежащим стационарному лечению. В виду этого Юшков временно помещался в арестном помещении при плосском полицейском г. участке, а начальником тюрьмы возбуждено перед председателем киевского окружного суда ходатайство о замене Юшкову меры пресечения способной уклоняться от суда и следствием освобождения Юшкова из-под стражи с задачей его под надзор полиции.

Губернатор генерал-майор (подпись).

Освобожденный под надзор полиции, палач Юшков переделался в форму техника и в таком облачении свободно расхаживал по Киеву. После шестимесячного „отдыха“ Юшков возбудил ходатайство о разрешении ему вернуться к роли палача. Помещаем копию его собственноручного прошения (орфография сохранена).

„Его Высокопревосходительству, Господину Киевскому Губернатору.

Содержавшийся под стражей в уездной
Тюрьме города Пешехони Ярославской губернии
Гавриил Трофимович Юшков.

П р о ш е н и е.

Имею честь покорнейше просить Вашего Высокопревосходительства сделать завыше распоряжение о вызове меня для принятия мною смертных Приговоров через повешение которые уже приговорены Киевским Окружным судом надеюсь Ваше Высокопревосходительство, что вы не откажете мою просьбу без, дальнейшего и утверждения так как я сейчас нахожусь без всяких средств сидя волоночному заключению и безвыходном положении виду угрожавших Арестантами которые хотят меня убить зная что я заемаюсь этим делом быlobы я не выяснилсб что я принимать участие в смертных приговорах, то я бы могбы себя добывать помешествание для поддержки сил. А так я не могу везде известна моя фамилия и имя я не могу выйти скаморы на прогулку виду силново прислебование Арестантами не в мастерских и других работ изолирован в уездной тюрьме где работ нету, а в губернской тюрьмахъ всеемъ незя сидеть делаютъ большіе бунты иза меня виду етого я должен таки этимъ деломъ и заниматься что вешать такъ какъ 21 сентября (1906 г.) было опечатано въ газете что были повешены мною три приговора. Атакже покорнейше прошу Ваше Высоко Превосходительство не откажите мою просьбу и дайте ходъ моему делу дабы я вамъ буду благодаринъ понадобности действия прошу вызвать мена изъ пешехонской тюрьмы ярославской губернии просилищъ сего прощения Гавріиль Юшковъ.

Сплатой потои цене которой я получалъ за-
прежніе приговоры по двацать пять Рублей.

13-го фиврала 1907 года“

Прощение Юшкова было „уважено“ и он вторично стал палачем.

Выписка из дела киевского губернатора № 150.

М. В. Д.

Секретно.

Ярославского губернатора
по ярославской губернской
тюремной инспекции.

Господину киевскому губернатору.

Октября 20 дня 1907 г.

№ 33, г. Ярославль.

Вследствие телеграммы от 18 сего октября за № 943, уведомляю ваше превосходительство, что ввиду данной 19 октября подписки арестанта Гавриила Юшкова о согласии его на исполнение двух смертных приговоров в г. Киеве на прежних условиях, названный арестант сего числа провожден под конвоем полицейских стражников из ярославской тюрьмы в киевское городское полицейское управление в распоряжение вашего превосходительства; при этом присовокупляю, что Юшков о.в. по 2 ч. 1665 ст. Улож. о наказ., приговором киевского окружного суда от 3 ноября 1906 г. осужден в исправительное арестантское отделение на 2 г. 6 месяцев с последствиями 58 ст. Улож. о наказ., считая срок с 3 ноября 1906 г.

За губернатора вице-губернатор (подпись).

Выписка из дела киевского губернатора № 150.

„Совершенно секретно

Киевскому полицеймейстеру.

Для исполнения приговоров военно-окружного суда над лицами, приговоренными к смертной казни, высылаются в Киев ярославским губ-ром арестант Гавриил Юшков, согласившийся быть исполнителем на прежних условиях. Уведомляя об этом, предлагаю вам, по прибытии названного лица, содержать его при участке.

И. д. губернатора (подпись)*.

№ 51, 20 октября 1907 г.

Во время войны Юшков снова стал палачем и был им до 1916 г. Появлялся он к месту казни в бархатных брюках, красной рубашке и красном колпаке. Когда под'езжала карета смертников к месту казни, городской выводил за руки приговоренного, прокурор читал приговор, подходил священник, но редко его смертники к себе допускали. После окончания формальностей, городские ставили смертника на скамейку, подходил Юшков, надевал на голову жертвы веревку и выбивал скамейку из под ног казненного. Казнили на рассвете и ночью при факелах.

На второй день после казни Юшков получал деньги за казненного. Сохранились его расписки и счета пристава об израсходованных средствах на казнь Ивана Мазко.

„Расписка.

1916 г., сентября 23 дня, даю сию расписку г-ну приставу печерского участка в том, что следуемые мне деньги за приведение в исполнение смертного приговора над арестованным Иваном Мазко в г. Киеве на Лысогорском форте 22 сентября, а всего 50 рублей, получил, в чем и расписываюсь Гавриил Юшков*.

Счет.

На израсходованные деньги при исполнении приговора киевского военного окружного суда над осужденным к смертной казни через повешение крестьянином Иваном Фоминым Мазко в г. Киеве, на Лысогорском форте в 11 часов вечера 22 сентября 1916 года.

Палачу	50 р.
За могилу	10 .
Саван и веревка	5 . 75 к.
Ломовой извозчик	5 .
4 одноконных легковых извозчиков	19 . 20 к.

Всего 89 р. 95 к.

Расходуя „свои“ средства на совершение казней, пристав немедленно требовал эту сумму из казны. По документам видно, что задержек в оплате не было.

М. В. Д.

Секретно.

Пристав печерского полицейского г. Киева участка.

Киевскому полицеймейстеру.

Р а п о р т .

Представляя при сем счет на 89 р. 95 к., израсходованных из личных моих средств при исполнении смертного приговора киевского военного-окружного суда 22 сентября на Лысогорском форте над крестьянином Иваном Фоминым Мазко, осужденного к повешению, прошу ваше высокоблагородие о возврате мне этих денег.

(Печать).

Пристав (подпись).

№ 1707, 23 сентября 1916 г.

Рапорт пристава направлялся по принадлежности в департамент полиции:

М. В. Д.

Секретно.

Киевский губернатор
по канцелярии часть 1-я.

В департамент полиции.

Препровождая при сем рапорт пристава полицейского г. Киева участка за № 1707 на израсходованные мною из собственных средств 89 р. 95 к. на необходимые потребности по исполнению смертного приговора над осужденным к смертной казни через повешение Иваном Фоминым Мазко, прошу департамент полиции не отказать в распоряжении об ассигновке в мое ведение означенной выше суммы для выдачи по принадлежности.

Копия приговора суда будет прислана дополнительно.

№ 7892, 15 октября 1916 г.

За губернатора (подпись).

Из очерка мы видим, что палачи вербовались, главным образом, из среды уголовных арестантов. Из этой среды их насчитывается 18 чел., второе место занимают городовые — 9 чел., затем идут сыщики — 4 чел., офицеров — 3, тюремщиков — 3, два дворника и на все 49 выявленных палачей имеется 1 палач Гончаренко, осужденный „за преступное сообщество“, т. е. за принадлежность к определенной политической партии или революционной группе.

В настоящей рукописи приводятся некоторые факты судимости людей по политическим процессам, ничего общего не имевших с революционным движением. Можно безошибочно сказать, что Гончаренко является жертвой судебной ошибки, как случайно попавший в группу осужденных по политическому процессу.

Наряду с тем, как история насчитывает несколько крупных и мелких „Азефов“, как явных предателей интересов революции все же „Гончаренковцев“ насчитывается один и то под большим сомнением о его принадлежности к какой-либо политической партии.

